

16+

Ева Ночь

И ХОЧЕТСЯ
И ОЛЕТСЯ

Ева Ночь

И хочется, и колется

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67333467

SelfPub; 2022

Аннотация

Он выиграл меня в карты, женился и сделал своей, когда мне было восемнадцать. Что сделала я? Сбежала. Он стал моим боссом, когда мне исполнилось двадцать три. Что сделала я? Объявила ему войну. Ах, мы всё ещё женаты? Отлично! Берегись, властный Кактус! Я не твоя нежная Роза! Но от ненависти до любви – всего один короткий шаг...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	43
Глава 8	48
Глава 9	55
Глава 10	62
Глава 11	71
Глава 13	86
Глава 14	93
Глава 15	100
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Ева Ночь

И хочется, и колется

Глава 1

Столкновение

Сегодня мне улыбнулась удача.

Два магических слова: «Вы приняты» – и я готова отплясывать джигу. Правда, она бы больше напоминала канкан – так высоко я готова задирать ноги от счастья, но сути дела это не меняет.

Да! Да! Да! Наконец-то! У меня есть работа!

Упоительно. Великолепно. Умопомрачительно. От всей души – зашибись!

Кадровичка – милая мымра со вздёрнутым носиком – разглядывала меня поверх очков. Глаза у неё – уныло-серые, а тонкие губки, намазанные бледно-розовой помадой, сурово сжаты.

– Вы должны понимать всю ответственность перед вверенным вам участком. Это не рабочие помещения и не офисный коридор. Вас приняли в административный корпус с испытательным сроком.

Я смиренно слушаю её сухую отповедь, потупив глазки в пол. Моё гордое звание отныне – техработник, а попросту

– уборщица. Но в наш век равноправия профессии разные нужны и все профессии важны. А за такую зарплату, что выплачивают в «СеверИнХоум» я им плинтуса зубной щёткой выдраю.

Ну, погорячилась, конечно, но в эйфории я ещё и не такие подвиги способна.

– Этими коридорами ходит наш генеральный директор, – продолжает она с придыханием, будто не человек у них здесь передвигается, а сам господь бог. И звучит это так: Генеральный Директор! – возвышенно.

Надо, наверное, перед его туфлями пол бархоткой натирать до блеска. Как и его лысину, вероятно. Не, ну пусть прикажут, я могу. Я всё могу! Я теперь рабочая лошадка! Мне не тяжело, я могу и опахало завести, чтобы воздух перед Сиятельным Принцем освежать, и метёлку приобрету, буду с костюма пылинки сдувать.

Короче, кадровичка бредила, я послушно кивала и фантазировала на всю катушку, пытаюсь не рассмеяться. Очень честно пыталась губы на месте удержать. И у меня всё получилось!

– Униформу вам выдадут. Ваш непосредственный начальник – Евангелина Гербертовна, по всем вопросам будете обращаться к ней.

Она сейчас серьёзно?.. Я попыталась мысленно произнести это имя и поняла, что запуталась в рычащих звуках, а потом намертво забыла отчество. Герардовна? Гепардовна?

Германовна?.. Как же её там, ёлки-палки-лес густой?..

Гепардовна носила гордое звание главный офис-менеджер и оказалась не пышной тёткой за полтинник, как я себе на-воображала, а вполне себе девушкой слегка за тридцать приятных форм и наружности.

Красавица. Они здесь все как на подбор, видимо, под стать дядьке Черномору, что их возглавлял.

– Зови меня Ева Бертовна, – прозорливо разрешила она мою проблему, пока я, пыхтя и закатывая глаза, пыталась определить, как правильно произнести её зубодробильное имя и не опозориться.

– Да, Ева Бертовна, – облегчённо выдохнула я и чуть не прослезилась: какая милая и добрая девушка, однако!

Она выдала униформу – бирюзовенькую, новенькую, очень элегантную. Никаких унылых халатов, а милое платьице. Я тут же решила, что добавлю белый кружевной воротничок и кружево на короткие рукава – будет красиво и оригинально.

– Платье подгонишь сама или обратись в ателье, дам координаты. И подожди меня здесь, – повела она красивой рукой в сторону зоны отдыха. Два кресла, диванчик и два унылых фикуса в кадках, как верные постовые.

Чисто, но не более. Уюта никакого. Тут бы нормальные цветы подобрать, кофемашину переставить, да и мебель немного по-другому расположить. В общем, я, как всегда, в уме уже начала грандиозную перестройку, а сама послушно

уселась, куда указали.

– Через десять минут я тебя заберу, проведу экскурсию, покажу столовую, познакомлю с коллективом и местом твоей непосредственной работы. Расскажу права и обязанности.

Милая, какая же она милая! Улыбчивая, глаза как сапфиры, ресницы загнутые, светлые волосы аккуратно уложены в узел на затылке. Не девушка, а мечта! Если она не замужем, дай бог ей королевича в сияющих латах!

Не успела Бертовна испариться, как я уже всю названивала своей несравненной Юленции, подруге на все времена.

– Ну?! – она ждала моего звонка, поэтому ответила сразу. И то, что подруга, обычно спокойная и уравновешенная, как шланг, подстегнула меня, говорило о высшей степени её волнения и переживания за место под солнцем в виде отличной работы.

– Уи-и-и! – позволила я себе очень тихонько взвизгнуть и страшным шёпотом прошипела: – Меня приняли! Спасибо, спасибо, спасибо!

– Вот, моя дорогая Белая Лилия, – перешла Юлька на свой спокойный, немного с оттяжкой, тон, – а я тебе говорила: попробуй. Видишь, никто тебя не покусал, всё сложилось замечательно. Главное не тормозить и вовремя принимать правильные решения.

Она немного зануда, но я так её люблю! Это была её идея – отправиться в «СеверИнХоум» по объявлению о вакансии, которую они разместили на собственном сайте.

До этого я тщетно искала работу по специальности, а позже – и без, но как-то мне не везло. Я то опаздывала, то не подходила, не вписывалась в рамки и общепринятые стандарты. Можно подумать, меня в прима-балерины принимали.

Я оббегала ближние и дальние фирмы, исчеркала несколько газет с вакансиями, но, наверное, это был период заколдованной неспрухи.

С предыдущего места работы меня уволили. Выгнали «с позором», как заявил мой работодатель, который неудачно пощупал меня за задницу, получил в глаз и в промежность, а заодно – и скандал от очень ревливой жены. И с того дня начались мои «страдания по Матфею»¹. Я даже всерьёз начала подумывать, что Антон Валерьевич меня проклял.

– Не там ищешь, – заявила подруга Юлька.

Она стойко пыталась не вмешиваться – такова была моя горячая просьба, но тонкая душа подруги не вынесла, и Юлька всё же вмешалась в мою «судьбу».

– Кто сейчас бегаёт по объявлениям в газетах? Есть Интернет и корпоративные сайты. Мы тебе в два счёта найдём нормальную, хорошо оплачиваемую работу.

В два счёта не получилось, но то, что вышло в результате, вполне вписывалось в идиотский возглас «Вау!».

Мы перебрали несколько компаний, почти везде нам от-

¹ Отсылка к произведению И.С.Баха «Страсти по Матфею» – достаточно большое музыкальное произведение, состоящее из 78 частей. В данном контексте употребляется как долгие мытарства

казали, а «СеверИнХоум» перезвонил и назначил аудиенцию. В общем, здесь и на гордое звание полomoйки проводили собеседование, резюме моё изучали весьма тщательно и, боюсь, завели досье. Но плевать и растереть. Главное – я подошла.

– Будь милой и улыbчивой, старательной и расторопной, успевай везде и – я прошу тебя – не показывай свой характер. Ты гордая и смелая, безусловно, но спрячь подальше гонор в жёлтый чемоданчик.

Это она по моему раритету прошлась: в жёлтый чемоданчик умещались почти все мои пожитки, с которыми я курсировала от одной съёмной квартиры до другой. В хорошие времена он пылился глубоко на антресолях.

– Хорошо, я буду ангелом во плоти.

– Не дерзи, не ропщи, выслуживайся. Старайся нужным людям на глаза попадаться чаще и ответственно подойди к своим прямым обязанностям. И – умоляю на коленях – не проявляй никаких инициатив.

– Да-да, я помню: инициатива наказуема. Дома поговорим, – свернула я разговор, потому что Бертовна как раз выплыла из-за угла.

– Пойдём, Лилия, – светит она мудростью во взгляде и ведёт меня по этажу с такой нескрываемой гордостью, будто всё это принадлежит лично ей.

Сразу видно: человек любит свою работу и ответственно к ней относится. Есть с кого брать пример. И за задницу она

меня точно не будет щупать, что не может не радовать.

– Вот этот участок – твой, – очерчивает она рукой территорию. – К работе приступишь завтра с утра. Инвентарь выделю. Хранить будешь в подсобке, вот здесь – показывает она каморку папы Карло. Там только нарисованного очага не хватает. Зато у меня нос растёт, как у Буратино, так хочется всё осмотреть и привыкнуть.

Отдельный закуток! Умереть не встать!

– Здесь же можешь хранить свои личные вещи, переодеться. Это очень удобно.

Да это намного больше, чем я рассчитывала! Джига в моём воображении рискует перерасти в огненный танец берсерка.

Бертовна ещё подробно рассказывает, как я должна делать и что. Боюсь, я половину из её речи не запомнила. Надо было диктофон включить, но я понадеялась на удачу и на то, что в любой момент могу обратиться за компетентной помощью.

Тут не всё так просто. Это такой салфеткой тереть, а это – другой. Для этого моеющее использовать, а вон для того – специальный спрей. Целая наука! А я зелёный новобранец.

Мы передвигались черепашным шагом. И то, что случилось дальше – не наша вина.

Он вылетел из-за угла, как целеустремлённая машина для убийств. Размашистый шаг. Идеальный костюм. Красивая причёска. Хорошо выверенная трёхдневная небритость на прямом крутом подбородке.

Он врезался в меня, как ледокол в айсберг. Потому что не смог притормозить, а я не сумела отскочить в сторону – загляделась, поражённая во все энергетические каналы сразу.

Он схватил меня за плечи, не давая упасть, и впился пронзительно синими глазищами в моё лицо.

– Лилия?! – взлетели вверх его широкие брови.

«Крокодил!» – чуть не крикнула от неожиданности я, но вовремя прикусила язык.

– Гена...дий, – произнесла упавшим голосом и попыталась осторожно выкрутиться из его стальных клешней.

– Геннадий Романович Северин, наш генеральный директор, – проскрипел как-то противно, будто пенопластом по стеклу, голос Евы Гепардовны.

«СеверИнХоум» – я как-то не так произносила название этой компании – отдельно все три составляющие. А всё намного проще: Северин хоум – его вотчина, его цитадель, нерушимый оплот, замок на тринадцати холмах...

И о чём бы я ещё думала в тот момент, когда моя перспективная карьера техработника стремилась упасть ниже плинтуса и раствориться в небытие, так и не начавшись?..

Глава 2

Жизнь продолжается

Я с катушек слетаю от его близости, запаха туалетной воды – лёд с ментолом: резкий, свежий, одуряюще подходящий ему запах. Под стать его целеустремлённости.

Мы таращимся друг на друга слишком долго. Есть отчего, конечно. И будто не было пяти лет «разлуки». За это время Северин почти не изменился. Всё такой же. Может, плечи стали шире, а подбородок жёстче.

Красивый сукин сын. Загляденье. Недаром кадровичка с задорным курносым носиком говорила о нём с придыханием.

И тут меня накрывает волной. Некстати. Но у меня всё происходит именно так. Я вдруг вспоминаю, как собиралась ему лысину полировать бархоткой. У Гены-Крокодила настолько густые волосы, что в них пальцы с трудом просунуть можно. Мех. Шуба, а не волосы. Я это помню, чёрт побери!

подавляю накативший хохот, но смешок всё же вырывается – клокочущий, громкий, дурацкий.

– Какая же ты неловкая, Лилия! – Гепардовна, кажется, разгепардена не на шутку: хватает меня за руку и силой пытается оттянуть в сторону. Северин добычу отпускать не желает – впивается пальцами в плечи так, что у меня в глазах темнеет.

Они что, меня разорвать на части решили? Больно же!

– Ай! – вырывается из глубины души вопль, и эти двое, испугавшись, резко бросают меня на произвол судьбы. Судьба, как всегда, не подкачала: по её величайшему соизволению я падаю – теперь не вперёд, а назад, и если бы не Крокодил, последние б мозги на здешнем импортном кафеле потеряла.

Он ловит меня, как бейсбольный мяч – в красивом полёте. Прижимает к себе на миг, как ценный приз, а затем, зачем-то поправив кудряшки, что упали мне на глаза, осторожно убирает руки, с опаской поглядывая, как я покачиваюсь на не очень устойчивых каблуках. Да, я их надела – туфли на каблуке! Хотела казаться красивой и подчеркнуть стройность и элегантность своей фигуры. Я же шла сюда всех покорять, чтобы меня на работу взяли!

– Ты что здесь делаешь? – спрашивает он не очень вежливо.

За тобой гоняюсь, блин. «За тобою бегала, Дед Мороз, пролила немало я горьких слёз!».

– Работаю я здесь, – бурчу отчаянно под нос.

– Это наша новенькая, – заискивающе стелется Ева Брауновна Гитлер. – Неопытная ещё, вы уж простите, Геннадий Романович!

Фу. Фу-у-у и всё! Я ей королевича желала? Так вот: беру свои слова обратно. Фигу ей с маком, а не рыцаря на белом «Мерседесе»! Разочаровала буквально за секунду.

Северин смотрит на меня долгим взглядом, а затем уходит. Уже не так стремительно и не так уверенно, как летел до этого. Мне всё чудится: он обернуться хочет, чтобы убедиться, что это точно я, не мираж и не привидение.

Нет, красавчик, зрение тебя не подвело: это я собственной персоной. И если ты будешь так любезен, то я всё же здесь пока поработаю, потому что мне очень нужны деньги, а ты хоть и гад, но платишь своим сотрудникам неплохо. Даже техработникам.

– Что на тебя нашло? – ворчит недовольно Гепардовна, а я потираю запястье, где эта милая девушка, которую я весьма опрометчиво чуть ли не полюбила всем сердцем, оставила следы своих цепких пальчиков. – Это весьма плохо, если ты будешь неосторожно налетать на всех, кто надумает пройтись коридорами офиса. К нам, знаешь ли, важные персоны нередко заходят.

– Я буду предельно осторожна, – склоняю голову, изображая смирение, хотя внутри вулкан клоочет и пытается изрыгнуть магму.

– Откуда ты его знаешь? – Гепардовна могла бы и не столь внимательной быть, но везение – это не про меня.

– Кого? – строю из себя дурочку, лихорадочно думая, как выкрутиться.

– Геннадия Романовича, естественно, – проявляет чудеса терпения Мегера Бертовна. – Ты назвала его по имени. Хм, впрочем, и он тебя тоже.

Взгляд у неё инквизиторско-задумчивый. Я для неё кукла Вуду, а она – огромная игла, что сейчас пронзит насквозь.

– Виделись пару раз, – я почти не солгала. – Так, шапочное знакомство. Я понятия не имела, что он Очень Большой Начальник.

– Теперь имеешь, – Гепардовна, растеряв всё своё благодушие и радушие, разговаривала со мной сухо и официально. – У нас не принято обращаться по имени, особенно к Очень Большому Начальству.

Подчёркнуто, напоказ. Ну, да. Это только к таким, как я, можно по имени и на «ты». Но мы птицы не гордые, перетопчемся.

С этого момента Ева Бертовна утратила всяческий интерес к нашей экскурсии, выполняла свои обязанности – не более. С прохладцей представила меня коллегам – таким же техработникам, как и я. По классовой принадлежности, так сказать. Показала, где в этой обители находится столовая, и мягко закруглилась.

Она выдала орудия труда и моющие средства, дала адрес ателье, где мне помогут униформу подогнать и, брезгливо указав пальчиком на мои кудряшки, что задорно торчали во все стороны, заявила:

– И вот это. У нас не принято, – демонстративно пощупала она узел на затылке. – Спрятать, причесаться, выглядеть прилично. Советую посетить парикмахерскую, сделать стрижку и выпрямить безобразие.

Ага, разбежалась. Может, мне налысо постричься? Думаю, последний вариант её бы устроил на все сто.

Короче, настроение у меня упало, эйфория облиняла до уныло-серого цвета, но работу у меня никто не отнял – и то хорошо.

Я вернулась в квартиру, которую мы снимали вместе с Юлькой.

– Мау-у-у, – встретил меня на пороге Мистер Рыж.

– Вот тебе и мяу, – передразнила я эту наглую рыжую морду и показала коту язык.

Он здесь нелегал. Тайный узник замка Иф. Мы его прячем, когда приходит хозяйка квартиры. Но, к счастью, это откормленное и лоснящееся от хорошей жизни и ухода животное невероятно изворотливо и хитро. А ещё я нередко подозреваю, что он умнее некоторых людей.

В квартире тишина. И пока никого нет, я сажусь подгонять униформу. Ни в какую мастерскую по пошиву одежды я, конечно же, не пошла. Не то время, чтобы тратить деньги, которых почти нет.

Тут работы – на час от силы: длину до колена подогнать, в талии немного убрать. Ну, и белые кружева, как надумала.

С годами я научилась ловко управляться и с иглой, и со многими другими домашними делами. Мама бы мной гордилась.

Я делаю намётку, руки движутся машинально, а перед глазами – Гена Крокодил. Господин генеральный директор Се-

верин.

Я малодушно поглядываю на старенький, выдавший виды ноутбук. Может, ну эту работу? Поискать другую?..

Но, скорее всего, мы столкнулись и разбежались. И всё будет как прежде. Он сам по себе, а я сама как-нибудь дальше. Ведь жила же я пять лет почти спокойно? Проживу и дальше.

Я успокаивала себя внутренними благостными монологами, игла сновала туда-сюда споро, а память выворачивала наизнанку события пятилетней давности.

Пять лет прошло. Целая вечность. А кажется, что всё случилось только вчера.

Глава 3

По волнам памяти

Меня растила мама – сильная, властная, прямолинейная. Она поднимала меня в одиночку: я до сих пор не знаю, кто мой отец. Да и это уже неинтересно.

Мама поднялась со дна, смогла оседлать судьбу, стала вполне успешной бизнес-леди в нашем городе – владела сетью магазинчиков по продаже цветов.

У неё была лёгкая рука: палку в землю втыкала, и она давала корни, пускала листья, а затем цвела и радовала глаз. Любовь к растениям она передала и мне.

Жили мы хорошо, весело, с огоньком. Правда, чем шире становился бизнес, тем меньше оставалось у нас времени на общение, но мы как-то ухитрялись жить в добре и согласии. Мама работала, я училась. По вечерам мы собирались за столом и разговаривали.

А потом появился он – любовь всей её жизни – Свято-слав Алдошин, альфонс обыкновенный. Молодой, весёлый, зажигательный. Мне на тот момент исполнилось пятнадцать, и его феерическое появление я восприняла тяжело.

Он украл у меня мать – так сказать было бы несправедливо, хотя мой подростковый мозг и классифицировал его внедрение в нашу семью болезненно.

Ему двадцать семь, маме – тридцать четыре. Истосковав-

шаяся по любви молодая женщина. Славик во всём был хорош, кроме одного: не умел и не хотел работать. Зато прекрасно знал толк, как тратить деньги.

Я всё же хотела ей счастья, но умом понимала, а сердцем противилась. Поэтому, видя её сияющие глаза, ушла в глухую оборону и тупо терпела Славика. Не такая уж и большая жертва с моей стороны.

Я училась в выпускном классе, когда мамы не стало. Тридцать шесть – сердечный приступ, и вот я сирота. Слишком слабая и неопытная. Оглушённая горем, как рыба, что всплыла брюхом кверху, потому что кто-то жестокий и сильный взорвал в моих водах самопальную динамитную шашку.

– Твоя мама завещала всё мне, – заявил Славик почти сразу же после похорон.

Мне как-то было не до этого. Слишком велико горе. Только Славик в то время мог думать о меркантильном, но меня это совершенно не удивляло.

Я бы призадумалась над его словами, если бы могла. Но на тот момент могла лишь плакать да страдать.

А Славик по-хозяйски прибрал к рукам бизнес, квартиру, машину и прочее имущество. Правда, ненадолго.

После школы я поступила в институт, выбрала профессию биолога – то, к чему всегда душа лежала. Ну, и в память о маме. Я всё это время жила, как в заморозке. Все силы в учёбу вложила, а на остальное – сквозь пальцы. Не помнила, что ела, когда спала, чем занималась. Всё на автопилоте, через

призму каких-то очень скупых эмоций.

Весёлая и живая я превратилась в безликую тень. Мне даже улыбаться не хотелось, хотя, наверное, в нужных местах я губы растягивала послушно.

Славик жил со мной в одной квартире, но меня не доставал. У него была своя жизнь. Он куда-то уезжал, приезжал, разводил какую-то бурную деятельность – я не вникала. Лишь послушно подписывала какие-то бумаги, которые он мне услужливо подсовывал. Я не вчитывалась – не хотела и не могла.

Славик не выносил мозг мне, я – ему. Как-то нам не о чём было говорить. Даже о маме. Я не уверена, что он любил её. Скорее, её деньги. Но, вполне вероятно, во мне всё ещё говорил обиженный подросток.

Деньги он мне давал исправно. Сам ничего не покупал, кроме продуктов, однако на всякие мелочи не скупился. Были у меня и платица и до платиц. И личный водитель тоже имелся. Как говорят: ни в чём не знала нужды, кроме душевного общения, которое закончилось, как только не стало мамы.

А потом случилось это. Я помню тот день до мельчайших подробностей. Наверное, он и стал моей личной точкой отсчёта, с которой началась другая жизнь. Через боль, отчаяние, шок я очнулась, но, как говорят, поздно пить боржоми, когда почки отказали.

Над городом плыл невероятно богатый на золото октябрь

– тихий, тёплый, задумчивый. Жёлтые кроны окутали дворы и улицы, раскинули кружевную сеть и ловили солнечные лучи, что, рассеиваясь, дарили маленькую радугу.

Прошёл год, как не стало мамы. Изредка выпадали тихие дни, когда мы могли гулять, дышать воздухом, любоваться природой. Мама знала всё-всё-всё о цветах и других растениях. Сейчас бы я с удовольствием послушала её. Мне так не хватало её участия и доброты.

В этот день я долго бродила улицами и поздно пришла домой.

– Где тебя черти носят? – спросил бледный Славик, как только я переступила порог.

Я опешила. Он со мной так не разговаривал. Ни при матери, ни после. Как-то мы умудрялись балансировать. Без лишних истерик и всплесков.

Был он какой-то странный, дёрганный. Глаза красные, волосы паклями висят, на глаза падают беспорядочно. Кадык дёргается, щетина неряшливая.

– Я уже взрослая, – напомнила осторожно. – Мне и восемнадцать есть.

– Да-да-да! И это прекрасно! – воскликнул Славик с надрывом.

Я попятилась. Выглядел он сумасшедшим. Не пьяным, нет. Хотя я, было, подумала. Взвинченный, нервный, хмурый.

Я его, наверное, с неделю не видела. Он и раньше пропа-

дал на время, но всегда появлялся. Где был, что делал, я не допытывалась. Берегла нервные клетки. Да мне, собственно, было всё равно.

– У тебя паспорт с собой? – спросил он, поднимая глаза. Веки воспалены. Взгляд безумный.

– Что-то случилось? – я никак не могла ни разуться, ни раздеться: Славик стоял в коридоре, как столб, загораживая мне путь в квартиру.

– Да. Нет. Мне нужна твоя помощь, Лиль.

Раньше он никогда ни о чём не просил. А тут... я пожалела его, видимо. Молча паспорт из сумочки достала. Руку с документом протянула. Теперь Славик от меня попятился.

– Не-не-не. Отлично. Молодец. Ты всегда молодец, Лиль. Поехали, а?..

Мне бы спросить, куда, но я не решилась. Ещё подумала: это ж Святой Слава. Что может случиться? Он никогда не приставал ко мне, пальцем не тронул. Несмотря на все его минусы, весельчак и затейник. Мама его очень любила. И уж если совсем откровенно, то он делал её счастливой. Ни разу не огорчил. Они никогда не ссорились, даже мимолётно. Слава умел самые напряжённые моменты в шутку обратить – этого у него не отнять.

И я поехала с ним. Вышла из квартиры. Села в машину. Не побоялась. К счастью, он не гнал и, кажется, немного успокоился.

То, что произошло дальше, я до сих пор вспоминаю, как

дурной сон.

Мы заехали в какой-то двор, где дома стояли квадратом. Славик дворцу передо мной открыл и руку подал, когда я вылезала из машины. А затем повёл в крайний подъезд, на третий этаж. Не звонил, а стучал кулаком в дверь. Долго. Пока нам не открыли.

Субъект перед нами выглядел очень похоже на Славика: такой же помятый, с красными глазами. Но, кажется, мы его с постели подняли.

– Вот, Север, принимай! – дёрнулся Славик и быстренько меня внутрь впихнул. – Я человек чести.

«Север» смотрел на меня с интересом, но лениво.

– Ей хоть восемнадцать есть? – поинтересовался. Голос красивый, низкий, с лёгкой хрипотцой со сна.

– Обижаешь! – оскорбился Славик. – Я ж сказал: есть. Лиля, покажи паспорт!

Я вообще ничего не понимала, поэтому полезла в сумочку и достала паспорт. Протянула его, как совсем недавно, этому взъерошенному типу. Он паспорт взял. Внимательно изучил.

– Белая Лилия, – протянул, смакуя. Даже глаза прижмурил и языком цокнул. – Годится!

И тут я поняла, что дело плохо. Попятилась.

– Ну, вот и славно, – скороговоркой протарахтел Святославик и пулей выскочил за дверь.

– Благодарить меня будешь, да! – проорал он, судя по грохоту, спускаясь вприпрыжку по лестнице.

Я тоже попыталась дверь на себя потянуть. На меня такая паника напала, что я готова была на четвереньки встать. О паспорте я и не вспомнила. Но большая ладонь мои попытки пресекла.

– Пойдём, – вздохнул этот тип, закрывая дверь на замок. – Знакомиться будем.

Глава 4

Проигранная в карты

В квартире у него – кавардак. Везде вещи разбросаны, пыль на мебели. Не церемонясь, он скинул стопку белья небрежно на стол и усадил меня на диванчик.

Я не знала, чего ждать, поэтому сидела смирно, как солдатик, положив руки на колени. Я не понимала, что происходит, и, наверное, тормозила. Я устала, время позднее. Мужчина не предложил мне раздеться, поэтому сидела, как есть: в куртке и даже в туфлях. В квартире у него тепло. Началось жутко клонить ко сну. Так бы закрыла глаза и уплыла куда-нибудь подальше.

Он походил, как маятник, туда-сюда, а затем, взяв стул, плюхнулся напротив меня.

– Как же сложно объясняться, чёрт... – провёл он ладонью по лицу, словно умываясь.

– Он меня продал, да? – подала я голос. Спокойно так, отстранённо. Дикая мысль, но другого объяснения я не находила.

Этот загнулся, посмотрел на меня долго, а затем то ли кивнул, то ли отрицательно покачал. Вышло у него именно так: кивок, а затем встряска головы. Смешно получилось, как у большой собаки.

– В карты проиграл, – глаз немного весёлый. Ему смешно.

– И что теперь? Ты будешь меня насилловать? – не знаю, почему, но тогда я могла говорить только так: вяло, равнодушно, с апатией. Может, я дошла до точки, и стало всё равно – не знаю.

– Бог с тобой, дурочка, – поперхнулся воздухом тип на против меня. – Я на тебе женюсь.

Я таращила глаза, как сова. А мозгов в голове – как у таракана. Точнее, в спячку упали или в ступор.

– Начнём по порядку.

– Попами в грядку, – брякнула я, а он рассмеялся. Взгляд у него стал более осмысленным, он пристально в меня вглядывался.

– Можно и так, Лилия Белая. Угораздило ж тебя с именем и фамилией.

– Мама так назвала.

– Гена, – протянул он мне руку, как мужику.

– Крокодил, – пожала я его ладонь. Тёплая, приятная, подушечки пальцев – шершавые. Почему-то не хотелось с этой ладонью расставаться. Она как надёжный островок в море, что пыталось накрыть меня волной и утопить.

– Северин, – снова улыбнулся он мне.

– Север, – вспомнила я слова Святославики.

Крокодил кивнул, подтверждая мои мысли.

– Ты не переживай. Ничего личного. Мне просто нужна жена. Очень.

Он тоже не спешил отнять ладонь. Пришлось мне самой,

помедлив, с сожалением расстаться с её теплом и надёжностью.

Я откинулась на изголовье диванчика и критически осмотрела Крокодила с головы до ног. Он издевается? Крапивчик же, ну.

– А больше у тебя под рукой никого не оказалось? – плюнула я сарказмом, как змея – ядом. – Нужно было обязательно Святославика облапошить?

Север немного потускнел.

– Его другие облапошили. Я как бы наоборот. Дал шанс отыгаться.

– Судя по всему, неудачно, – встряхнула я кудряшками.

– Ну, почему? – лениво протянул Крокодил, снова показывая белоснежные зубы в улыбке. – Очень даже удачно. Но после того, как он проиграл тебя, а потом одолжил деньги, чтобы попытаться снова. Ему повезло. Не так круто, как он спустил, но кое-что отбил.

– А меня, значит, не захотел?

– А ты не обсуждалась. Ты была тем, что не возвращается назад.

Я расстегнула куртку. Жарко. Спать мне перехотелось, апатия уходила. В груди росли злость и ярость.

– А теперь давай по-деловому. Во-первых, это незаконно. И вообще запрещено законом – людей без их ведома в рабство проигрывать. Во-вторых, верни паспорт, и мы забудем об этом дурацком недоразумении, – повелительно протяну-

ла я руку.

– А в-третьих? – не шевельнулся этот зубастый потомок аллигаторов.

– В-третьих, я ни за что не поверю, что ты не мог найти девушку, согласную за тебя замуж выйти!

Это был выпад. Укол рапирой. Крокодил лишь вздохнул обречённо.

– Желающие есть. Но меня вполне устраиваешь ты. Ничего нас не связывает, никаких обязательств. Свадьба. Штамп в паспорте. Тебе что, жалко? Немного поживём для вида и разбежимся. К обоюдному удовольствию. Это своего рода сделка, понимаешь?

Я не понимала и не хотела понимать. Зачем я должна выходить замуж за какого-то чужого Крокодила, пусть и красавца?

– Я не согласна! – кажется, я готова была его ударить. Или кинуться.

Давно подобных эмоций не испытывала – они сжигали меня изнутри, я задыхалась. Боль растекалась по телу нешуточная. Тогда я ещё не поняла, что ожила после смерти мамы. Вот в такой дурацкий момент, с этим божественно прекрасным Крокодилом, у которого ко мне – нелепые претензии.

– А тебя никто и не спрашивает! – вспыхнул жарким пламенем холодный Север. – Я тебя выиграл, ясно? Вообще мог ни о чём не спрашивать! Не хочешь по-хорошему, будет тебе по-плохому! Ты – моя!

Звучало слишком кровожадно.

– Я в ЗАГСе закричу и никогда «да» не скажу!

Он лишь фыркнул и закатил глаза. Всё ясно. Кто меня будет спрашивать. Вещь. Напрокат. Велосипед. Покатается, педали покрутит, а когда во мне нужда отпадёт – выбросит как использованную салфетку.

Мозг лихорадочно работал, пытаюсь найти выход из дурацкой ситуации. Мне всё равно не верилось, что происходящий фарс – нечто серьёзное. Скорее, розыгрыш. Пари, наверное.

– Лиль, давай без войны, – он плавал в настроении от энергичного мачо до усталого старца. Сейчас – утомлённый солнцем, бесконечно терпеливый. – Я устал. Спать хочу. Давай выспимся, а завтра на свежую голову поговорим ещё раз.

Может, он и прав. Я кивнула. Пусть уснёт, а я удеру. Всё просто. А потом я подумала, что он забрал только паспорт, всё остальное – при мне, хо-хо! И телефон – тоже. Пусть дрыхнет, а я разберусь как-нибудь.

Гена отвёл меня в спальню. Там чище. Кровать на вид удобная.

– Ты здесь, а я там, – кивнул он в сторону большой комнаты, где мы бодались.

Щедрый. Я с трудом представляла, как он уляжется на том маленьком диванчике. В три раза сложиться ему придётся. Но я недооценила его изобретательность.

Когда, час спустя, я на цыпочках решила прокрасться к

дверям, то невольно заглянула в комнату. Север спал на надувном матрасе. С комфортом раскинулся, раскидав в стороны руки.

Замок провернулся очень легко. Только дверь не открылась. Я потрясла её за ручку в немом отчаянии.

– Ты меня за дурака или за идиота держишь, Белая Лилия? – неожиданно, над самым ухом, раздался голос Крокодила. Низкий, с хрипотцой.

Я взвизгнула. Подпрыгнула. Попала в его объятия. Уверенные такие, тёплые. Он прижал меня к голому торсу и дунул в затылок.

– Тише, не брыкайся. Попалась. Здесь второй замок. Ключ у меня. И я очень чутко сплю, между прочим.

Ну, судя по тому, как долго тарахтел Славик в дверь, то есть некоторые сомнения в его чутком сне. Но то, что он меня застукал, подкрался неслышно, как тень, заставляло поверить ему на слово.

– Вижу, тебе не спится. Значит, будем спать вместе, – сказал Крокодил и поволок меня... нет, не в спальню на хорошую, большую, удобную кровать, а к себе на плавучий остров, на зыбкий матрас посреди большой захлавленной комнаты.

Глава 5

Крах империи

Он отнял у меня сумочку. Хмыкнув, отключил мой телефон.

Какая же я дура! Надо было позвонить сразу! Но я боялась, что он услышит разговор и придёт. Думала: убегу, а там уж и поговорю. Разбежалась. Идиотка.

– Раздевайся! – сухая команда, и я подпрыгиваю на месте от возмущения. Да кто ты такой, козёл, чтобы мной командовать! Кто дал тебе право распоряжаться, в каком виде мне спать ложиться и где!

– Можно я в спальне? – начинаю отступление к выходу.

– Нельзя. Когда я играю в благородного рыцаря, ты нагlesiшь, мой драгоценный цветок.

– Козёл ты аллигаторский, – не осталась я в долгу. Он заржал.

– Отличный гибрид, моя юная селекционерка. Три часа ночи, между прочим. Не хочешь раздеваться, ложись так, но потом не жаловаться, что тебе жарко. Когда меня будят несколько раз подряд, я становлюсь злым. И лучше тебе не знать, что это такое.

Врун. Наглый беспринципный врун. Нет, конечно, никаких три ночи. Около часа – я смотрела перед тем, как отправиться на поиски приключений.

Раздеваться, естественно, я не стала. Мстительно опустилась рядом в платье и колготах. Куртку и туфли пришлось снять. Аллигаторская сволочь хмыкнула и прижала меня к себе. Сграбастала в объятия.

Я пыталась злиться, накручивать себя, пузыриться, чтобы не остыть, но на удивление быстро мой запал сошёл на «нет». Я и не поняла, как уснула.

А проснулась действительно оттого, что задыхалась от жары. Нестерпимо хотелось и пить, и в туалет, а этот Крокодил на меня ещё и ногу закинул.

Через пять минут мучений я расплакалась от бессилия, стыда, идиотской ситуации.

– Эй, Лиль, ты чего? – потёрся Крокодил сонным носом о мои волосы. – Жарко, да?

Жара не самое главное, что меня заботило.

– Разденься и не плачь, – отпустил он меня.

С матраса «зыбучие пески» я вылезала на четвереньках, страшась думать, какой вид открывается этому типу сзади.

– Ты куда? – удивился он моей прыти, когда я метнулась к выходу из комнаты.

– Водички попить! – рявкнула, как обиженный клаксон, и рванула в туалет. После этого мне захотелось в душ, но я завернула на кухню. Воды и впрямь хотелось.

Он уже ждал меня там. С полным стаканом минералки. Холодненькая, колючая – как я люблю. Почему-то именно вот этот стакан с шипучим напитком примирил меня с дей-

ствительностью. Вкусно. Холодно. Колется на языке.

– Лиль, – зачем-то потрогало это чудовище мои завитки. Они упруго подпрыгнули, когда он их отпустил. Ну, да. При желании этим можно забавляться. Взрослый мужик. А туда же. Не наигрался. – Не бойся меня, ладно?

Легче сказать, чем сделать. Но, прислушавшись к внутренним ощущениям, я вдруг поняла, что вообще его не боюсь. Ну, почти. При всех его рявк-гавк и властных замашках недобитого императора как-то не тянул он на роль великого злодея. Особенно после того, как принёс мне полотенце и воду собственноручно отрегулировал – краны здесь были жёсть.

Он дал мне футболку и халат. Я в нём тонула и могла, как печальный Пьеро, махать длинными рукавами. А Крокодил мне волосы вытирал, а затем, усадив на тот самый диванчик, расчёсывал, как маленькую девочку.

Я не сопротивлялась. Наоборот. Притихла. Кажется, впервые за целый год обо мне кто-то по-настоящему заботился. Не денег сунул – на, купи себе чего-нибудь, порадуй себя, а проявил, пусть и крохотную, но заботу.

– Есть хочу, – заявила, почувствовав, что могу слона целиком проглотить. И снова он не бухтел и не возмущался, что навязалась я на его голову. Яичницу приготовил – вкусную, с поджаристыми кусочками хлеба, ветчиной и сыром. Помидоры дольками нарезал.

Сам он не ел, сидел рядом, смотрел на меня, подперев ще-

ку рукой. Разглядывал, как жар-птицу, что случайно прилетела в его жилище.

Я съела всё. Чуть не лопнула, но храбро расправилась с гигантской порцией. Кажется, ничего лучшего не пробовала очень давно.

– Чай? – спросил Крокодил, и я неуверенно кивнула. А пока он возился, грел воду, заваривал, я уснула прямо за столом.

Он нёс меня на руках – помню. И что прижималась к его груди во сне – тоже помню, даже сейчас, спустя годы. И позволила ему халат снять. А когда он обнял меня, стало ещё спокойнее, будто я дома, а я рядом – мамино тепло.

Нет, я ничего не путала. Понимала: мамы нет, она умерла. Но вот эти забота, терпение на короткий миг примирили меня с чужим мужчиной.

Он казался мне слишком взрослым. Ему около тридцатника, как Славе. А мне нравился Валера из параллельной группы – мой ровесник. Немного прыщавый, с длинной шей, нескладными руками. Эдакий щенок-переросток. Молодой и резвый. Между Валерой и Крокодилом – пропасть. Юноша и взрослый мужик. В моём восемнадцатилетнем мозгу – старый, что называется. Папик. Хоть он и недотягивал до этого почётного звания никак.

Путру мы пили чай, и я снова подумывала, как бы мне отсюда свинтить. Но ночной запах немного поутих. Душа лишь не хотела смириться со статусом рабыни.

Гена протянул мне телефон. Мой.

– Я хочу, чтобы у тебя не осталось ложных иллюзий, – сказал он мне без хождений вокруг да около. – Твой... кто он тебе, кстати?

– Святославик? – уточнила на всякий случай.

– Да, – Крокодил поморщился так, словно я ему напильником по зубам заехала.

– Как бы отчим, – процедила сквозь стиснутые челюсти. Я ненавидела подобные вопросы. Некоторые бабки у подъезда считали, что мы со Славиком живём вместе, как муж и жена, но во грехе. Всем сплетницам рот не заткнёшь. А их домыслы – вообще абсурд. Благодарение небесам, Славик даже намёков никаких никогда не делал. Честь ему и хвала за это. Но считать его отчимом я так и не научилась.

– Не лгал, значит, – хмыкнул Север. – Он вчера всё продал, Лиль. Тебе деваться некуда, понимаешь? Больше нет квартиры, бизнеса, другой недвижимости. Даже машины, на которой он тебя сюда привёз, больше нет. Всё, что ему удалось отвоевать, – два магазинчика. Сумеет ли он их удержать – очень большой вопрос.

– Как так? – растерялась я. – Как так-то?

– Звони, – подтолкнул он ко мне телефон. – Пусть он тебе об этом сам расскажет.

И я позвонила. Выслушала. Вопросы задавала. И ответы получила. Но поверить во всю эту чехарду не могла. Бред. Чушь. Издевательство. Да эти двое могли просто обо всём

договориться за моей спиной и развести меня как лохушку!

И пока я приходила в себя, лихорадочно думала, какие шаги предпринять, Север выдал своё коронное:

– Предлагаю сделку. Очень перспективное и взаимовыгодное сотрудничество.

Глава 6

Начало торгов

– Готова выслушать ваше деловое предложение, – сложила руки на груди и холодно смирila Крокодила медленным взглядом.

Он поперхнулся. Хватанул воздух ртом. Снова потрянул головой, как большая ушастая собака.

– Можно на «ты», как и прежде.

– Пока – нет. Всё будет зависеть от вашего умения предлагать. Это должно быть нечто, от чего я не в силах буду отказаться. Попробуйте меня удивить, Крокодил Геннадий Север.

Он заржал. Хохотал до слёз. Необидно – здоровый открытый смех. Я его забавляла, как зверушка в зоопарке. Обезьянка в клетке.

– Ладно, – сказал он, отдышавшись, – пусть будет по-твоему. Надеюсь, мы придём к консенсусу.

– Начни с правды, и тогда всё станет намного проще.

Север кивнул, прикусил нижнюю губу. Сидит передо мной свеженький, гладковыбритый, волосы у него влажные. Картинка. Образец мужественности. Эталон, на который неплохо бы равняться хотя бы внешне. Впрочем, это мелочи. Важнее, что у объекта внутри.

– Я открываю свой бизнес. Мне нужны деньги, – изрекает

он.

Логично, но ничего не объясняет. Настолько нужны, что выиграть их в карты – нормальное явление? А заодно девочку прихватить ненароком?

– Деньги будут. Нужно жениться, – гнёт он свою линию.

– А я тут причём?

Он немного смущается. У него розовеют щёки. Это так ми-и-ило, аж потискать его хочется или пожалеть.

– Ты очень подходишь. Ну, вот очень.

– Чем? – я не собиралась упрощать ему жизнь. Ещё чего.

– Скажем так: человек, который собирается поделиться собственными капиталовложениями, поставил некие условия. Я должен обязательно жениться. Есть критерии идеальной жены, и спорить бесполезно.

– И какие же подходящие добродетели скрыты во мне?

Крокодил пожимает плечами.

– Юная, чистая, неискушённая.

– Это ты у меня в паспорте вычитал? Или по лицу определил?

Он начинает меня заводить. Я пытаюсь сохранить остатки благоразумия, но больше всего на свете мне хочется разораться, топнуть ногой, разбить что-нибудь. Можно и об его голову. Твердолобый жбан!

– А может, Святославик не просто так проигрался? – вдруг «осеняет» меня. – Ты разузнал всё, вынюхал, а потом в нужное время и в нужный момент подсунулся, подковыр-

нул его, поманил, как морковкой? Он ведь не такая уж и редкостная скотина, хоть и тварь, конечно.

Крокодил смотрит на меня как-то странно. С жалостью немного. И это бесит меня ещё больше. Вот жалеть меня не нужно. Я уж сама как-нибудь разберусь со своей жизнью.

– Всё не так, Лиля. Всё получилось случайно. До этого разговор был мимолётный. Что мне жена нужна. Очень правильная. Я вообще об этом не ему рассказывал. Больше иронизировал на эту тему, потому что вкус у меня подпорченный. И женщины мне нравятся совершенно иного формата.

Шлюхи небось. Но меня это никак не касается. Крокодил сейчас словно оправдывался, хотя голос у него спокойный, и факты он излагал без лишней суеты и заискивания. Прямо в лоб. Откровенно. Это и подкупало, и страшно раздражало.

В какой-то момент я даже мысленно дала себе пинка под зад, потому что не понятно: то ли злюсь, то ли обижаюсь, что я для него не так хороша, чем кто-то, и подхожу лишь потому, что какому-то денежному мешку нравятся такие девушки, как я. Неискушённые. Слово-то какое!

– А позже, когда он проигрался в пух и прах, то начал приставать ко мне, фотографии показывать. Убеждать, что ты именно то, что мне нужно.

– И ты повёлся, – я уже полыхаю, как факел в подземелье. Крокодил снова плечами пожимает.

– Он мог и не привозить тебя. И я бы не стал ни долг требовать, ни искать тебя. Но всё сложилось иначе. Судьба. К

тому же, мне действительно срочно нужно жениться.

– Бедный ты несчастный!

Он моргает. Ресницы у него густые, тёмные, как и волосы – эдакий соболь меховой. А глаза – синие, что делает его невыносимо контрастно-красивым. И вот эти реснички хлоп-хлоп добавляют некоей застенчивости лёгкой, сквозь которую проступает холодная циничная улыбка.

– Ну, почему? Не совсем бедный. И вовсе не несчастный. А буду богатым и независимым. Цена вопроса – штамп в паспорте. Теперь ты всё знаешь, поэтому приступим к деловому соглашению. От тебя – только согласие. А позже, когда всё закончится, я отблагодарю. Получишь возможность доучиться. Квартиру куплю – не нужно будет перед этим твоим унижаться и выпрашивать милость. Он всё равно всё просрёт рано или поздно. Может, и выплывет, ибо дерьмо не тонет, как известно. Но в его планы заботиться о тебе не входит. Не мне так кому другому подсунет. И совершенно на других условиях.

От того, как он это сказал, у меня волосы дыбом встали. Он прав. Я могла достаться вовсе не красавчику Гене.

– А пансион? Пансион платить будешь? Как бедной родственнице? – хлопаю я ресницами – тоже умею, между прочим. И лучше сейчас под дурочку косить. Мозг лихорадочно пытается вырваться из капкана.

– Буду, – словно лапой по столешнице приложил. Прямолинейный мой Крокодилище.

– Без куска хлеба не останусь, по миру не пойду, – бормочу, снизив тон.

В груди разбухает, как сухарь, кинутый в воду, отчаяние. Если всё правда, что он рассказал, то Крокодил – мой благодетель, а я недалеко от пропасти.

Я ведь ничего не умею. Ни работать, ни выживать. Мне хватало сильной мамы, что заботилась обо мне. А тот год, что я прожила без неё, не в счёт. У меня всё было и даже больше, чем нужно. Святославик не скупился, хоть и сво-лочь.

– Зря иронизируешь, – снова подаёт он голос, а мне уши заткнуть хочется: невыносимо его слышать. И тон этот, и уверенность.

– Я могу подумать? – поднимаю глаза.

– День, – жёстко и категорично.

– Тогда не будем тратить время. Мне нужно в одно место попасть. Ты поможешь, а я после этого дам ответ.

Он соглашается не сразу. Думает. Смотрит на меня. Что-то прикидывает.

Да, он мог меня припугнуть и принудить. Но ничего подобного делать не стал. Может, именно это добавило ему очко в карму.

Я не хотела выходить замуж. Не о таком мечтала, между прочим. В грёзах, как и большинство девочек, я видела себя в воздушном белом платье, фате, в туфельках на каблучках – вся такая неземная и красивая.

По большой любви собиралась семью заводить. И вот этот вариант меня никак не устраивал, ни в одни ворота не лез. И уж коль Крокодил добр, то я воспользуюсь этим. Как он там сказал? Не стал бы долг требовать? Вот и замечательно. Если всё у меня получится, придётся ему в других местах искать возвышенных и чистых, добродетельных и неискущённых.

Глава 7

Окончательный крах империи

Востриков Семён Иванович – мамин управляющий. Мужичонка ушлый, дело своё знающий. Мама ему доверяла, но проверяла.

– Сеню-Ваню надо держать вот здесь, – трясла она плотно сжатым кулачком. – И желательно за такое место, о котором девушкам до поры до времени знать не обязательно.

Меня это смешило. Маленький Востриков, с аккуратным пузиком и без того выглядел временами как за то самое место ухваченный. Маму он побаивался, ещё больше – уважал и гадить не смел.

При всей своей непрезентабельности, Сеня-Ваня обладал цепким изворотливым умом и дела вёл весьма успешно.

К нему-то я и отправилась, как только Крокодил согласился дать отсрочку нашим неземным чувствам.

Вострикова я подловила возле офиса. Господин управляющий за тот год, что я его не видела, раздобрел ещё больше и щёчки отрастил лоснящиеся, глазки закрывающие.

Меня он увидеть никак не ожидал. Взгляд затравленной крысы сказал о многом.

– Поговорим? – схватила я его за рукав клетчатого пиджачка, что трещал в плечах и некрасиво оттопыривался на пузе и пятой раскормленной точке.

– Госпожа Белая, – осклабился Сеня-Ваня в улыбке, похоронившей под щеками оставшиеся прорези от глаз. – Какая приятная неожиданность!

По тому, как кинул он острый взгляд в сторону Крокодила, я поняла, что хватку он свою не растерял и соображалка у него работает прекрасно, несмотря на некоторые излишества жировых отложений.

При Северине я беседы вести не хотела, но наедине с Востриковым он меня оставлять не стал. То ли боялся, что я дам дёру, то ли решил контролировать любые процессы.

Разговор получился весьма продуктивным и коротким.

– Ну, подобные вопросы задавать вам нужно было до того, а не после, – всплеснул он ручками и прокрутил на пальце-сардельке обручальное кольцо – тонкий золотой ободок, который, наверное, оторвут с пальцем, если вдруг надумают его ограбить. – К сожалению, всё так и есть, Лилия. Мама ваша была слишком молода, чтобы оставлять завещания. Кто в таком возрасте думает о вечном? Правильно, никто. И по закону вам бы тоже что-нибудь перепало, но, на момент вступления в наследство, вы отказались от всего. А точнее, подписали бумаги в пользу э-э-э... господина Алдошина. А посему, – снова развёл он руками, – остались ни с чем. Мда-с. Вот так оно и бывает. И речь не идёт о мошенничестве, заметьте. Вам на тот момент исполнилось восемнадцать. Вас никто не принуждал. А бумаги, как известно, нужно читать, прежде чем подписывать.

– То есть я осталась ни с чем? – всё же уточняю, чтобы понять, в глубину какой прямой кишки я провалилась.

– Получается, так, – сверкает, как хорёк, глазами Востриков и проворно облизывает тонкие губы.

Не то, чтобы я на что-то надеялась... Да нет же, я всё же надеялась, что у меня хоть что-то осталось. А в итоге – ни кола ни двора, как и говорил Гена Крокодил.

У меня осталось несколько карточек. Одна из них – на экстренный случай. Её мне подарила мама ещё когда жива была. Но сейчас я даже вспомнить не могла, сколько там денег и не просрочена ли она. Как-то меня все эти мелочи совершенно не заботили. Жила одним днём.

Хуже всего, я совершенно не знала жизни, не умела о себе заботиться. Не представляла, как это – жить без денег. Об экономии речи не шло. Вряд ли я смогла бы, например, снять квартиру, устроиться на работу, питаться скромно. Я понятия не имела, как правильно продукты в магазине выбирать. Жизнь меня к такому не готовила. И, может, я бы адаптировалась, но на это нужно было время. Его я тоже не имела.

К счастью, Крокодил молчал. Тактично. Не торжествовал, не ухмылялся, не произносил вслух: «А я предупреждал, я говорил...». И это меня как-то примирило с тем, что... придётся всё же согласиться на его условия.

Я сидела в его машине раздавленная и размазанная, как мошка по стеклу. Ну, раз я всё потеряла, то осталось выгодно продать то, что у меня осталось. И речь не идёт о чести, а

только о штампе в паспорте.

– Когда свадьба? – спросила я ровно, усиленно разглядывая что-то за лобовым стеклом. «Что-то» разглядываться не желало, но я старалась. Поэтому вздрогнула, когда тёплые пальцы Крокодила коснулись моего запястья.

– Я бы не стал, правда. Но очень надо.

Он не оправдывался. И хорошо, что не сочувствовал явно.

Я кивнула, собираясь с духом.

– Надо значит надо, – вытолкнула из себя воздух резко. Так делают алкаши, когда собираются водку выпить.

Ху! – прочь сомнения. Прощай белое платье и фата, глупые мечты и розовые пузыри с сердечками. Настало время вылечиться от ненужных иллюзий и выздороветь. Стать циничнее и злее. Растерять девичьи грёзы.

Вот так человечество теряет последних романтиков. Пусть тебе икнётся, Святославик!

Мы с Крокодилом вернулись в захламленную квартиру. Почти не разговаривали. Я думала. Гена мне не мешал.

– Мне нужно уехать, – сказал он ближе к обеду. Я только рассеянно головой кивнула. Он, потоптавшись, исчез. Естественно, предварительно меня заперев. Позже я на всякий случай дверь проверила. Не то, чтобы я удрать хотела – нет. Удирать было некуда, я это прекрасно понимала.

– Ну, что? – спросила я у своего отражения в пыльном зеркале. – Приехали? И как ты докатилась до жизни такой, Белая Лилия?

Отражение умничать не спешило, лишь копировало мои рванные движения, взмахи руками, демонстрировало вздыбленные кудряшки.

– Молчишь? Ну, ладно, – пригладила я волосы и деловито оглядела поле битвы, то есть квартиру.

Мне нужно было срочно чем-то заняться, а поэтому я приступила к уборке. Убирать я умела. Вещи по местам раскладывать, пыль вытирать, полы мыть. Мама научила.

Нет, к нам приходила женщина, делала генеральную уборку. Но в своей комнате, считала мама, я должна была уметь наводить порядок сама.

Крокодила не было долго. Но я в нём и не нуждалась.

Я вылизала кухню – самое чистое место в квартире. Разложила разбросанные вещи, не очень заботясь, как к этому отнесётся хозяин. Для меня важнее было чем-то себя занять. Я расправилась с пылью в спальне и большой комнате. Полы блестели влажно и чисто – я собой гордилась бы, если б могла.

А позже я приняла душ, надела футболку с чужого крокодильего плеча и уснула, голодная, на свежих простынях в светлой спальне. Я начинала жизнь с чистого – в буквальном смысле – листа.

Глава 8

Новая жизнь со странностями

Крокодил явился под ночь.

– Лиль, ты спишь, что ли? – нарисовался он на пороге спальни и выдернул меня из сладкого полузабытья.

Стыдно признаться, но снились мне белое платье и фата. И я такая счастливая-счастливая во сне. Свечусь, как рождественский фонарь. Действительность оказалась куда скучнее: Крокодил моих стараний не оценил, запёрся в квартиру, не снимая обуви. Привык, скотина, не заморачиваться.

Хотелось отчитать его сварливо, но я сдержала свой гнев. Потому что в реале светился он, как солнце в ясный день. Улыбался счастливо и жмурился, как котяра. Я залюбовалась его густыми ресницами и крутым подбородком. Он у него такой... мужественный.

– Смотри, что я принёс! – в голосе его столько торжества, что я вздохнула невольно и приподняла голову с подушки, пытаясь в полутьме разглядеть, чем он так неимоверно гордится.

А Крокодил свет включил и занёс в комнату два огромных чемодана.

– Это ещё не всё! В машине осталось, не осилил за один раз!

Я восторга его не разделяла. Не могла понять, в чём дело.

– Ты посмотри, – настойчиво приглашал Крокодил к чемоданам. И я, чтобы его не огорчать, потянулась к «молнии».

Это было покруче немой сцены в «Ревизоре». В чемоданах – мои вещи. Вначале я даже не поняла, а потом просто залипла и не могла шевельнуться. Глаза боялась поднять, потому что тупо хотелось броситься ему на шею и расцеловать. Особенно после того, как я открыла второй чемоданище, а там сверху – игрушка. Старая и затасканная. Мне её мама подарила. Я с ней не расставалась. До сих пор засыпала, прижимая к себе.

Я всхлипнула. Крокодил меня подхватил.

– Ну что ты, не надо, – сопел он мне в макушку и топтался неловко, как медведь. – Я решил, что тебе со своими вещами будет комфортнее. Святославик твой не возражал. Даже помогал собирать чемоданы и сумки.

– Спасибо, – прогундосила я ему в полувер.

– Да не за что, перестань. Ты голодная, да?

Я хотела возразить, но желудок мой посчитал иначе. Заскулил жалобно.

– Сейчас. Я много вкусностей принёс.

Странно. Я не могла понять: он мне понравиться пытается или всегда такой хороший Гена Крокодил? В любом случае, это располагало. Особенно, когда он зашёл в кухню и наконец-то понял, что в квартире чисто.

Смесь ужаса и благоговения исказили его прекрасные черты.

– Вот чёрт. А я тут это... – лихорадочно сбрасывал он туфли. – Прости. Я всё исправлю.

Как будто другой человек. Хотелось то ли подковырнуть Крокодила, то ли съязвить, чтобы он прежним стал. А потом подумала: я его знаю сутки всего. А это значит – совсем не знаю.

На мой взгляд, он пытался мне угодить. Дать привыкнуть. Адаптироваться, что ли. Север запросто мог игнорировать и командовать. Заниматься своими важными делами и не париться, забирая из квартиры мои вещи. А он всё же счёл нужным. И еды принёс.

Я набивала живот среди ночи ужасно вкусными блюдами из ресторана небось по конской цене, но думать о деньгах сейчас не хотелось.

– Когда торжество? – всё же спросила, потому что мысли крутились вокруг да около предстоящей свадьбы. Да мне и поговорить с ним не о чём было, кроме этого.

– Через несколько дней. Подготовиться нужно.

Я фыркнула. Зачем готовиться? Шлёпнули печати в паспорта – и дело с концом. Но у Севера были своё видение предстоящего цирка.

– Я в институте учусь, – зачем-то поведала очевидное. – Сегодня день прогуляла. Ты бы мне разрешил посещать занятия. А то пропуски, потом проблемы.

Крокодил думает, ест, отвечает не сразу.

– Я там и книги, и конспекты взял. Дай слово, что глупо-

стей творить не будешь.

– Каких, например? – шурюсь уже весело: я поела, а на сытый желудок многое кажется ерундой. А ещё я добрая – Крокодил всё правильно просчитал.

– Удрать, например, к какому-нибудь своему прыщавому поклоннику.

С прыщавым он попал в точку, и я снова вернулась к тому, с чего начинала: к подозрениям. Он знает? Следил? Подкараулил Святославика и объегорил?

– Думаешь, я настолько порочна, что могу обмануть, кинуть тебя? А как же чистота и неискушённость?

Эх, как он меня зацепил-то!

– Девушки в твоём возрасте быстро взрослеют и набираются опыта, как кошки – блох. Поэтому не удивлюсь, если ты вдруг захочешь всё переиначить, сделать по-своему. У нас пока как бы устная договорённость. Но я свою часть сделки собираюсь исполнить честно. А что у тебя на уме – знать не могу.

– Точно так же я могу думать и о тебе, – иду в атаку с шашкой наголо. – Получишь желаемое – и под зад коленом. У меня тут один такой водился. Добрый. Платья мне покупал, водителя оплачивал. А сам документы подсовывал, обкрадывал, оказывается.

– Ты нас не сравнивай, – подбирается Крокодил и зло шурит глаза.

– Ты лучше, да? Только дружбу со Святым Славиком во-

дил, в карты с ним играл. И ничто тебе, такому доброму и правильному, не помешало меня выиграть, а потом шантажировать.

Он молчит. Я слышу лишь, как он сердито дышит. Наверное, пытается справиться с собой.

– Лиля, мы вчера всё обсудили. Если ты передумала, ничто не мешает тебе встать и уйти. К Славику, к долбодятлику – без разницы. Можешь даже к тому борову сбежать, который вчера тебе доходчиво рассказывал, что не нужно ушами хлопать.

Он прав. Но мне так хотелось наехать. Найти в нём червоточину. Говнюком он от этого не стал, зато снова вселился назад, в привычного Крокодила, а не в того довольного котяру, что припёр мои вещи чуть ли не в зубах. И туфли снимал, огорчаясь, что полы, вымытые мной, затоптал. Вот с таким Крокодилом, как сейчас, проще. Он понятнее, наверное, и не плодит иллюзий.

– Ладно, мир, – буркнула, понимая, что палку перегибать не стоит, и стала собирать со стола грязную посуду.

Фу, блин. Придётся мыть. Я терпеть не могла мыть посуду. И чаще этим приходящая домработница Марго Тимофеевна занималась. Но я помню: у меня теперь другая жизнь. С чистого листа. И я храбро открыла кран с горячей водой.

Крокодил наблюдал за мной со странным выражением лица. То ли рассмеяться хотел, то ли улыбкой приободрить. Я решила думать позитивно. Он мне даже помог – полотенце

на талии повязал вместо фартука.

Как ни странно, но вот этот простой жест примирил меня и с суровой действительностью, и с Геной Крокодиллом.

Мы больше не спорили.

Утром он сварил кофе и отвёз меня в институт. После института забрал.

– Кто это? – спрашивали подружки одногруппницы.

– Жених мой, – небрежно отвечала я. – Замуж выхожу.

И все мне завидовали. Ещё бы: красивый, взрослый, на иномарке. В то время он не носил дорогие костюмы, но выглядел элегантно и с шиком.

Мы жили по разным комнатам. Собирались утром и вечером на кухне. Питались и немножко беседовали. Как соседи в общежитии. Он даже подарил мне цветок – прикольный кактус в горшке.

– Вот. Понравился. Подумал: тебе понравится.

И смотрел исподлобья. Ждал, что обсмею? Ну уж нет. Мне впервые в жизни цветок подарили. Я обрадовалась. На шею вешаться не стала и целовать в щёку – тоже. Но искренне носилась с горшком, уволокла его в своё логово, на подоконник поставила.

Он как-то умел попадать в точку. Какими-то мелочами. Как с этим кактусом. Срезанным розам я бы порадовалась меньше. У мамы были цветочные магазины, так что сразить наповал меня можно было только чем-то эдаким. И ему удалось.

А потом случилось то, чего я никак не ожидала. И Крокодил вырос в моих глазах до размеров космического монстра из далёких галактик.

Глава 9

Сюрприз

После нашего уговора прошло, наверное, недели две. А может, чуть больше. Не считала я тогда время – жила и почти радовалась. Во мне билась пульсом очнувшаяся жажда жизни.

В тот день Крокодил, как обычно, встретил меня после института. У нас это ритуалом стало. Он не пропускал ни дня. Не знаю уж, какие дела ему приходилось задвинуть ради этого, но я очень быстро привыкла: выхожу из института – его вороной «конь» стоит, меня дожидается. И Гена рядом, сложив руки на груди, следит орлиным взором, как я из центрального входа выплываю.

Вид у Крокодила загадочный. Его распирает, но от чего – не понять. Кидаться с расспросами я не спешу. Захочет – скажет. Не захочет – значит сам дурак, пусть дуется, как индюк, и хвост по-павлиньи распускает. А я сделаю вид, что мне всё равно. Хотя любопытно до жути.

До самого дома он трепал мне нервы, но так ничего толком и не рассказал.

– У меня для тебя сюрприз, – тормозит Крокодил меня в коридоре. Глаза у него светятся. Нет – лучатся каким-то торжественным светом.

Не знаю, почему, но я начинаю волноваться. Сюрпризы я

люблю, но неожиданности от Крокодила – это нечто из разряда фантастики: я не знаю, что от него ждать.

– Закрой глаза, – командует он.

– Если я закрою глаза, то не смогу идти, – сопротивляюсь я изо всех сил. – А если и смогу, то упаду.

– Я помогу тебе, – делает он шаг навстречу, а затем удобно устраивается за моей спиной. Закрывает глаза ладонями. Я спиной ему в грудь упираюсь. От его близости кидает в жар, но я старательно пытаюсь делать вид, что всё так и надо.

– Готова? – его дыхание шевелит кудряшку возле уха. Ужасно щекотно.

Это так смешно – идти, когда тебя, считай, толкают, как лодку на буксире, но хихикать кажется мне глупым, зато губы разъезжаются в улыбке до ушей. Сердце ёкает в предвкушении, но я никогда не думала, что увижу именно это.

– Вот, – убирает он руки, но не спешит от меня уходить. Мы так и стоим посреди моей комнаты. То ли Крокодил меня обнимает почти бережно, то ли я спиной к нему привалилась и наслаждаюсь.

Я не сразу поняла, что это там у окна – воздушное и прекрасное. Подумала: он сменил тюль? Решил уют в комнату внести?

Но это был не тюль. На манекене романтично опало складками свадебное платье. Но рассмотреть его толком я не могла. То ли слёзы мешали, то ли фата, что ниспадала водопадом с манекенной головы почти до пола.

Я моргнула раз. Потом второй. Выдохнула судорожно. А затем уставилась на платье, не в силах осознать, что на самом деле случилось.

– Лиля? – снова его дыхание шевелит волосы и щекочет шею.

Я расцепляю его руки, уютно устроившиеся в районе моего солнечного сплетения и поворачиваюсь к Крокодилу лицом.

Не имею понятия, как я выгляжу. Потрясённо, скорее всего. Всё ещё не веря, что он... угадал? Мысли прочитал? В голову ко мне залез? Сны подсмотрел?..

Нет, он не Крокодил, а инопланетный монстр со сверхспособностями!

Я покачнулась вперёд. Он охотно меня подхватил. Я потянулась губами к нему, желая отблагодарить, выразить своё восхищение и все те чувства, что бурлили во мне и хотели вырваться наружу.

Крокодил застыл. Окаменел.

– Спасибо, – прошептала я сквозь слёзы и позволила себе коснуться губами его щеки. Но Север так дёрнулся, что я промазала. Попала куда-то в уголок его губ. А потом случилось нечто невообразимое.

Он поцеловал меня сам. Неистово. Жадно. По-настоящему. И я провалилась в этот поцелуй. В груди полыхнуло. В голове взорвались сотни петард.

Это было какое-то буйное помешательство – одно на дво-

их. Мы не могли остановиться. Целовались так, словно ещё немного – и исчезнет мир, а мы так и останемся нецелованными. Ну, я так точно. Вернее, я целовалась, но разве так?! Это даже сравнению не подлежало.

Север остановился первым. Губы у меня горели, сердце вылетало из груди. Я сама чуть ли не влипла в крокодилово тело. Генкины руки сжимали мою... мои... нижние округлости, а я впервые ощущала мужское возбуждение.

– Давай остановимся? – попросил он хрипло. Я кивнула, но отлипнуть от него не смогла: он мне не давал. У Крокодилов лапы сильные, оказывается.

Страшно сказать, но мне это нравилось. И его нежелание отпускать, и то, что я читала в его взгляде. Ну, да. Похоть. Да, мужской интерес. Но именно это заставляло глупое сердце томительно толкаться в груди.

Я ему не безразлична совсем уж. А то слишком уж деловито и меркантильно мы существовали на общей жилплощади. Во имя какого-то там бабла для Крокодила. А так хоть не совсем печально. Будет что вспомнить.

Я пытаюсь прийти в себя. Лихорадочно ищу среди кудряшек остатки здравого смысла. Сосредоточься, Лиля! – приказываю сама себе.

– Можно я платье посмотрю? – цепляюсь за очень важное для меня событие, как за спасательный круг.

– Подожди, – издаёт совершенно неприлично-эротические звуки Крокодил и снова целует меня.

Это какие-то неистовые поцелуи в стиле фламенко: жаркие, беспорядочно-упоительные. Крокодил целует меня, куда попадёт: в нос, веки, подбородок, а затем нехотя отпускает.

Я подхожу к платью. Оно прекрасно. Именно такое, каким я себе его воображала. Не знаю, какой радар в голове у крокопришельца из космоса, но он в очередной раз попадает точно в цель. Как с кактусом. Как с целой кучей мелочей, когда, например, покупает для меня пирожное или заказывает кофе мокко, хотя сам пьёт чёрный без сахара.

Оно воздушное. Юбка пышная, как у платьев для балльных танцев. И не длинная, а до колен. Белоснежное, что аж хочется зажмуриться. Атласный верх с вышивкой и стразами – в общем, идеальное. Для меня.

Я боюсь лишь одного: вдруг оно мне не подойдёт. По фасону или размеру. А так – мечта!

– Выйди. Я примерю, – оборачиваюсь к Крокодилу, что застыл возле двери – стоит, сложив руки на груди, и снисходительно наблюдает за мной. – Вообще, плохая примета – видеть свадебное платье до свадьбы.

Не знаю, зачем я это сказала. Может, всё это мне в голову ударило. А пить я не умею. Надо трезвой оставаться, чтобы не получать неожиданно в нос.

– Я не верю в приметы, – хмыкает Крокодил. – Тем более, свадьба не настоящая.

Если он хотел ударить больно, то у него получилось. Я

чуть не согнулась от его слов. Но голову в плечи, наверное, втянула.

Нет, я помнила. Понимала. Но на какую-то минуту позволила себе слететь с катушек. Девочкам хочется верить в чудеса.

– Тогда зачем это всё? – приподнимаю я рукой край пышной фаты. – Мы могли бы просто поставить штампы в паспорте и без всяких платьев-костюмов.

– Не могли бы, – изрекает он загадочно, но объяснять ничего не собирается. – Примерь, я выйду. Но, думаю, тебе будет впору.

Крокодил вышел и дверь за собой аккуратно закрыл. А у меня воздух кончился. Сдулась. Повисла унылой тряпочкой на полшестого. Но ненадолго.

В конце концов, он честен. А это о многом говорит. Я хотела платье и фату – я их получила. Это для него ничего не значит. А для меня – очень даже «чего». Хотя бы голову подругам в институте поморочу. Куплю какое-нибудь колечко простенькое.

Эти мысли не дали мне раскиснуть. И платье я надела, и фату.

Здесь зеркало в мой рост. Он угадал. Удивительно. Наверное, я бы сама лучше не выбрала. Не хватало туфель. Белые надо. Несмотря ни на что, я буду сногшибательной невестой! А на остальное – плевать. Переживу как-нибудь и этот брак, и Крокодила с его деньгами.

Я обернулась на вздох. Он стоял в дверном проёме и разглядывал меня.

– Ты такая красивая, Лиль, – сказал Крокодил, и я мысленно потянулась за чем-нибудь увесистым. Кажется, у него тут где-то энциклопедия какая-то валялась.

Ну вот зачем, зачем он делает это? То в ледяную прорубь башкой макает, то нестерпимым жаром обдаёт?!

Глава 10

Свадьба

– Туфли, – щёлкнул он пальцами, глядя на мои босые ступни.

Пол неожиданно холодный, поэтому я переминаюсь, пальцы поджимаю, а он смотрит на ноги так, что щёки вспыхивают. Словно я не в платье по колено стою, а голая, без трусов даже.

– Но уже завтра, ладно? И кольца заодно.

Крокодил делает ко мне шаг, будто хочет смять всю эту нежно-воздушную красоту. Но я уже знаю вкус его поцелуя: вначале божественно, а потом горчит. Да и платье – только моё, нечего всяким земноводным инопланетянам его лапать своими загребущими руками.

Я отскочила в сторону и руки вытянула. Можно подумать, его бы это остановило, если бы он по-настоящему захотел со мной пообжиматься.

– Нет! – взвизгнула я.

– Ну-ну, не бойся, – примирительно улыбнулся Кроко. И глаза его синие бесстыжие добрые-добрые, как у кота, что нажрался и греется на солнце.

Что-то у него сегодня перебор с нежностями ко мне. Как плотину прорвало. Распирает его неимоверно. Во всех местах, видимо.

– Вон! – повелительно указала я пальцем (да-да, некультурно, знаю!) на выход. И Крокодил попятился. Вышел задом, продолжая пялиться на меня восхищённо. Не зубастый аллигатор, а мишка плюшевый.

– Поехали в ресторан, что ли, – сказал он мне, когда я переоделась и отправилась на кухню. Время уже ого-го, а я только утром кофе выпила да пирожок в институте с чаем слопала.

– Ты наследство авансом получил? – съязвила я и попыталась в холодильник залезть.

– Соглашайся. Тебе понравится, – и пальцами кудряшку мою – дзынь! У него это ритуал. Он без конца меня так дразнит, как мальчик в детском саду, честное слово.

– Не хочу, – дёрнула я решительно дверцу холодильника на себя, а сама в уме наряды перебирала. У меня много красивых платьев. И туфельки есть, почти новые. Он же сюда весь гардероб мой перетянул – есть из чего выбрать.

– Тогда это похищение, – вздохнул он и, забрав из моих рук мороженые стейки, захлопнул холодильник. – Я хочу. И этого вполне достаточно. Включи рацию, Лиль. Через полчаса мы, красивые, будем сидеть за столиком, и возле нас будет виться официант. А тут тебе придётся час возиться – минимум.

Он тактично промолчал, что еда моя – так себе. То ещё испытание. Ну, не то чтобы совсем отравя, но я и кухня пока что вещи не совсем совместимые. У Крокодила гораздо

вкуснее получалось и на вид презентабельнее. Я же умудрилась даже яичницу испортить.

К слову, Крокодил был весьма тактичен: никогда не бурчал и не жаловался, молча съедал всё, что криво выходило из моих рук, а изредка готовил сам или привозил что-нибудь вкусненькое из тех же ресторанов.

– Это насилие, – всё же попыталась брыкнуться я.

– Именно так. Попробую хоть раз побыть насильником. Очень новая для меня роль. А перспектив сколько – у-у-у...

Он оттеснил меня от двухметрового белого друга и очень культурно пожаловался:

– Переодевайся, Лиль. Жрать очень хочется.

И я сдалась.

Ресторанчик был небольшим и уютным. Как оказалось, нас ждали.

– Север, – полез обниматься пухленький коротыш с розовыми щёчками.

Весь такой мягонький, он походил на пупса. С Крокодилом они смотрелись эпично, а объятия их крепкие и вовсе слезу вышибали: Гене пришлось согнуться. Он бы легко мог Пупсика от земли оторвать, но делать, конечно же, этого не стал.

– Хром, – хлопал он товарища по плечам и рассматривал со всех сторон. – А ты похорошел, похорошел.

– Семейная спокойная жизнь, – развёл Пупс руками и проникновенно посмотрел на меня.

У него тоже глаза ясные, голубые. А губки пухлые, как у гипсовых купидончиков. У мамы были такие – она почему-то берегла их. Они всегда стояли на тумбочке в её комнате. Два пухлых губастеньких купидончика...

– Познакомишь с девушкой? – улыбается он мне. На подбородке у него ямочка. И вообще – милаха. Я вдруг понимаю: он мне нравится. Очень располагающие лицо, улыбка, глаза.

– Это Белая Лилия, – Крокодил не издевается, а как-то торжественно произносит мои имя и фамилию. – Моя будущая жена. Я женюсь, Меч.

– Да неужели? Свершилось?

– Пока ещё нет, но скоро. Познакомься, Лиля. Это мой друг, Хромов Мечислав. Он же Хром, он же Меч, он же Мастер Шеф. Ресторанчик – его собственность.

Хром делает страшные глаза и трясёт головой:

– Боже тебя упаси! Это собственность жены! Елены Прекрасной! А я тут так, на побегушках. Но что же вы стоите в дверях, гости дорогие? Проходите, присаживайтесь, почти всё готово для вашего торжественного ужина.

Это было... словно по-настоящему. Романтический ужин при свечах. Отдельная кабинка, где только я и Гена, и если бы не его слова о том, что наша сделка – всего лишь деловое соглашение, я бы подумала, что он меня охмуряет.

Нет, ничего такого. Просто ели, пили вино, разговаривали. Помнится, я много смеялась, а он тихо радовался и мо-

ему смеху, и музыке, что лилась ненавязчиво. Наслаждался – вот правильное слово.

Блюда сменялись одно за другим, я пьянела. Не столько от нескольких глотков вина, сколько от сытости и... какого-то маленького счастья, что плескалось крошечным солнцем у меня внутри.

Впервые после смерти мамы я была по-настоящему счастлива. И я была благодарна Северу и за свадебное платье, и за этот вечер.

Позже, в машине, он снова трогал мои кудряшки и хохотал над моим возмущением. А дома мы разошлись по своим комнатам. Я – на огромную кровать, а он – на надувной матрас.

– Спокойной ночи, – сказал он мне и склонил голову в старомодном поклоне, будто приглашал на танец.

– До завтра, – пролепетала я и юркнула за большую надувную дверь.

Он меня будоражил. Выводил из себя. Я ничего не понимала. Да и куда мне было понять, глупой восемнадцатилетней девственнице, которая никогда толком и не целовалась до сегодняшнего дня.

Крокодил купил мне белые туфли – сам выбирал, а я только примеряла. Но у него глаз – алмаз. Мы взяли те самые, первые, что упали ему в око. А в ювелирном мы даже немного поспорили.

Я не хотела его... разорвать. Как-то неправильно всё это выглядело. Поэтому мне хотелось скромный ободок, а Крокодил настаивал на широком кольце, почти закрывающем фалангу. Эдакое массивное счастье – мещанская мечта купчихи.

– Это чтобы всем было видно, что ты меня окольцевал?

– Может, и так, – соглашался он, задумчиво выбирая между очень широким кольцом и чуть поменьше, но выпуклее.

– Чтобы никто не сказал, что ты жмот, – не унималась я.

– Верно, дорогая, – сверкал он весёлым глазом. – Тренируешься меня пилить? Подожди, не спеши, дай я тебя хоть в ЗАГС свожу.

Он любовался моей рукой, эстет. Крутил её и так, и эдак. Остановился на выпуклом – оно ему показалось наиболее эффектным.

А потом была свадьба – самая странная из всех, что я знала. Положа руку на сердце, я не великий знаток всех этих ритуалов, но у нас был фиктивный брак, как ни крути.

В свидетельницы я позвала Леру Оконцеву – милую приятную хохотушку энд великую сплетницу. Пиар – наше всё. Я не побоялась. Мне было плевать. Уж коль у меня прекрасное платье, фата, туфли новые и кольцо на полпальца, я могла себе позволить войти в анналы институтских сплетен.

У Крокодила в свидетелях – какой-то прекрасный качок, от вида которого Лерка поплыла в жаркие страны и забыла вернуться. Он оттянул внимание на себя, поэтому я трижды

могла быть спокойна за сплетни: они обещали быть офигительными.

Заявление мы подали сразу же после нашей сделки. Каким бы фиктивным ни был наш брак, свадьба была настоящей. Все эти слова, торжественность, марш Мендельсона. Обменяйтесь кольцами, жених, поцелуйте невесту. И Крокодилово твёрдое «да» звучало как музыка. И мой нежный ответ светился радужно.

На свадьбу Крокодил неожиданно пригласил Святославику. Тот выглядел помято, но улыбался на все тридцать два или сколько там у него осталось.

– Счастлив, счастлив за тебя! – целовал он мне руку и любовался моим нарядом восхищённо. Зачем понадобился Святой Слава, я спросить не рискнула. У Севера всегда были свои соображения практически по всем важным вопросам.

– Решил часть наследства вернуть, упырь? – вежливо поинтересовалась я, наблюдая, как скисает лучезарная улыбочка на Славином лице. – На свадьбу ж без подарков не ходят?

– Ну... я это... да, в общем, – блеял этот козёл, покрываясь воистину трупными пятнами.

– Подарить не забудь, – вбила я ещё один гвоздь в крышку его гроба и не спеша отправилась к выходу, где ждал меня новоиспечённый супруг.

– Готова? – спросил Крокодил, а я не успела спросить, к чему я должна быть готова. Он подхватил меня на руки. Нёс, как святой Грааль, к машине, а вокруг суетились фотографы.

Целых три. Снимали каждый наш шаг и жест.

– А где же твой инвестор? – поинтересовалась я в машине. – Думала, хоть кому-то я придусь по душе.

– Ты мне по душе, Лиль, – дёрнул за кудряшку Север и потёрся носом о шею, откинув в сторону фату. – У нас по плану – поездка по городу, а потом ресторан.

Всё, конечно, было прекрасно, но он так и не ответил мне на вопрос. Кто он, таинственный вымогатель, потребовавший жениться? Я бы хотела на него посмотреть.

Впрочем, это был мой день. Сказочный. Настоящий. Великолепный. Без единого изъяна. Даже Святославик приятно удивил.

– Вот. Это тебе, – вручил он мне ключи со вздохом. – Твоя квартира. Там всё на месте. И не держи на меня зла, ладно? Просто я вот такой. Ненадёжный, что ли. И маму твою я любил. Искренне. Она любила жизнь и умела её ценить. А я... раздолбай.

Он махнул рукой и отвернулся. А потом и вовсе исчез, растворился. А я подумала, что могу уйти от Севера уже сегодня. У меня теперь есть где жить. И я не уверена, что это Слава такой щедрый. Наверное, Крокодил лапу приложил, заставил его как-то пойти на этот шаг.

А потом был вечер. И мы остались вдвоём. Пьяненькую и счастливую Лерку повёз на своей машине непьющий качок Серёга. Рассосались куда-то фотографии. Больше не нужно было играть на публику и устраивать показуху. Но, види-

мо, Крокодил считал по-другому. А может, хотел, чтобы этот волшебный для меня день остался таким до конца.

Он открыл дверь ключом, а затем подхватил меня на руки. Перенёс через порог. Смотрел с обожанием. И я сама, сама обвила руками его шею. Потянулась к губам, чтобы получить долгий и нежный поцелуй.

Глава 11

Неизбежность

Он занёс меня в спальню, как и полагается новобрачным. А потом осторожно поставил на ноги. Потянулся к фате, но не спешил. Словно спрашивал глазами: «Можно?», и я не смогла отшатнуться, выставить его за дверь.

А потом... Когда он снимал фату, вытаскивал шпильки из причёски, зарывался пальцами в кудри, я подумала: почему бы и нет? Он сегодня полностью мой Крокодил. Ручной и опытный. Кому как не ему получить то, что у меня ещё осталось?

И раз уж он здесь, то, может, его тоже ко мне тянет? Может, из этого фиктивного брака что-нибудь да получится? Мало ли? Дом строят по кирпичику. Вот и мы... Вначале – штамп, затем – неизбежное. А там – глядишь – и стены вырастут, чувства окрепнут.

Это позже я узнала, что все романтические девочки мечтают о большой и светлой, чистой и неземной любви. Нам, девочкам, кажется: это у кого-то не получается, а вот у нас всё будет по-другому!

К сожалению, по-другому получается у единиц. А у большинства – разбитые мечты и горькие разочарования. Но в тот момент я свято верила: всё будет хорошо!

Север никуда не спешил. Наслаждался процессом. Расстё-

гивал пуговики на рукавах, медленно тянул за язычок «молнию» на спине. Оголял мои плечи, дарил поцелуи. А я доверчиво шла на костёр, чтобы сгореть. Мечтала об этом. Хотела.

Он ни о чём не спрашивал вслух. Но иногда останавливался, чтобы вопросительно посмотреть. И я, не колеблясь, тянулась к нему, мысленно умоляя продолжать.

Он избавил меня от одежды и бережно уложил на белоснежные простыни. Разделся сам и лёг рядом.

– Посмотри на меня, – потребовал Крокодил, потому что, пока он раздевался, я успела засмущаться. Я подняла глаза. – Боишься меня?

– Нет, – прошептала и попыталась отрицательно покачать головой.

– Не бойся, всё будет хорошо, – поцеловал он меня легонько в нос.

И оттого, что он произнёс ту самую фразу, что крутилась у меня в голове, вся скованность куда-то исчезла.

Он накрыл меня горячим телом. Губы наши соприкоснулись, и я закрыла глаза. Жила лишь ощущениями, его дыханием, прикосновением его рук. А потом осмелела настолько, что сама прошлась ладонями по гладкой коже, по мускулам, что бугрились на предплечьях и спине.

Он мой – восхитительно пьянящий коктейль обладания человеком, который лежит с тобой в одной постели. И всё, что случилось дальше, произошло так правильно и так есте-

ственно.

Немного боли, что лопнувшей струной пронзила меня и ушла после того, как он замер. Мне осталось лишь приспособиться, поймать его настроение, дыхание, ритм. Выгнуться навстречу, принимая мужчину, с которым меня связал штамп в паспорте. Качнуться в такт и обвить его ногами. Прислушаться, как он уверенно ведёт нашу лодку по волнам бурлящего потока, что разливался у меня внутри.

Я задышалась от нежности, когда всё кончилось. Вплетала пальцы в его густые, как мех, волосы. Я хотела ещё, потому что так и не поняла, что осталось незавершённым, но Север лишь прижал меня к себе покрепче.

– Всё будет, Лиль, не спеши, ладно? Давай мы немного остынем, а ты отдохнёшь. Я не хочу делать тебе больно.

И я доверилась ему. Он взрослый и опытный. А я пока неумеха, но хочу всему научиться. Я умная. У меня всегда всё получается, если я хочу. Нужно подождать? Я подожду.

В тот миг я была уверена: он никуда от меня не денется, мой Крокодил. Слишком уж всё по-настоящему. Когда формально и фиктивно, так не бывает, потому что он невероятно нежный и добрый, умеющий угадывать меня, мои мысли и желания с полувздоха. А это тоже о чём-то говорит.

Север на руках нёс меня в ванную. Мыл, как ребёнка, а я смущалась, украдкой разглядывая его красивое сильное тело.

А потом мы спали, прижавшись друг к другу. Перепле-

лись во сне руками и ногами. И это тоже было правильно – неосознанная тяга, желание сократить расстояние, быть как можно ближе. Хотя ближе – это разве что раствориться в нём.

Утром я проснулась первой и долго разглядывала Крокодила. Любовалась им. Он красивый. Провела осторожно пальцем по линии носа и губ. Губы у Крокодила дрогнули.

– Иди сюда, – приказал он хриплым со сна голосом. И я пошла. Идти к нему было и недолго, и приятно. Тем утром он подарил мне самое первое в жизни чувственное наслаждение, научил стонать, кричать, умолять не останавливаться.

Север не разочаровывал. Он всё делал на «отлично», чёртов перфекционист. За что бы он ни брался, у него получалось хорошо. Я не находила в нём изъянов, а чем дальше, тем больше находила в нём всякие разные достоинства.

Он работал как сумасшедший, но никогда не забывал о своих обязанностях, которые сам же на себя и свалил: исправно забирал меня из института, вовремя появлялся дома по вечерам, а если задерживался, то не критично и всегда предупреждал. Не забывал меня баловать, дарить подарки, в кино водить или кафе. А по ночам такое вытворял, что вспомнить – сладко, а рассказать – стыдно. Да и я от него не отставала, если уж совсем честно.

Мы... как-то жили. По-настоящему. Смеялись, разговаривали, шутили, немножко ссорились, но так, не глобально, чаще по мелочам. И ни разу не заговаривали о фиктивности

нашего брака.

Я... боялась. Даже думать об этом не хотела. Отгоняла непрощенные мысли, как надоедливых мух, – кыш-кыш, у нас всё хорошо! Да и Гена не заговаривал больше о том, что всё это так, между прочим, а на самом деле – на всё плевать. Но нет-нет, а думалось мне: и эта нежность, и поцелуи, и забота не могут быть ненастоящими.

Он часто снимал нас – запечатлевал мгновения нашей жизни. Сотни снимков, где мы абсолютно счастливы. И я, и он. Так мне казалось.

Но сколько ни бегай от проблем, они от этого не исчезают, не рассасываются и не решаются сами по себе.

Уже пришёл декабрь – шагал широко, приближаясь к Новому году. Я уже планировала ёлку, думала, что нужно бы съездить в свою квартиру, забрать игрушки – у нас с мамой их много было. Мы любили Новый год. Для нас этот праздник был семейным. Это будет наш с Крокодилом первый Новый год, который мы отметим вместе.

– Не влюбляйся в меня, ладно? – сказал он той ночью. После того, как нам двоим было особенно хорошо. – Ты же знаешь, что рано или поздно всё это закончится?

Мы лежали обессиленные и расслабленные. Крокодил пробормотал и уснул, а я лежала, потеряв покой и сон. Смотрела на него огромными ошарашенными глазами – так я это ощущала: растрёпанная я и глаза из орбит вылезают.

То есть, как это не влюбляйся?.. А если я уже?.. А как

же?.. И что всё это значит, чёрт побери?!

В ту ночь во мне что-то умерло, и я поняла: так дальше нельзя. Это нечестно. Видимо, мы по-разному видим жизнь. А я... приняла желаемое за действительное.

К утру у меня созрел план. Плохой, но лучшего я тогда придумать не могла.

Крокодил отвёз меня на занятия. Я внимательно наблюдала. Всё, как и всегда: кофе сварил, улыбается. Будто и не было тех идиотских слов, что он мне сказал. Я даже на миг позволила себе малодушно подумать, что мне это приснилось. Но идиотизмом я ещё не страдала. И пока у меня мозги не размягчились окончательно, нужно что-то делать.

На занятия я не пошла. Забрала документы из института. Тупо стояла на своём. Сказала, что мы с мужем уезжаем в другой город. И мне срочно, ну очень срочно нужно всё решить.

Я спешила. Я должна была успеть.

Потом я поехала домой – в свою собственную квартиру, где была счастлива с мамой. Святославик не обманул: всё осталось на своих местах. Он ничего не продал, не пропил, не проиграл в карты.

Я достала жёлтый чемоданчик – когда-то с ним я и мама ездили на море в жаркие страны. Эдакое импортное чудо из кожи – лёгкий и вместительный. Из квартиры я забрала лишь купидончиков с маминой тумбочки.

К тому времени я восстановила банковские карты – у ме-

ня были деньги. Не миллионы, но на первое время должно было хватить.

В квартире Крокодила я собрала самые необходимые вещи и прихватила кактус. Это мой цветок. Самый лучший подарок. Воспоминание о Крокодиле, который меня не захотел любить. Ну и сам себе он гнусное зелёное животное.

В то время, когда Северин приезжал забирать меня из института, я стояла на вокзале и покупала билет на поезд. Я уезжала в столицу – в огромный город, где так легко потеряться.

Отрезала все концы. Сменила телефон. Чуть позже «потеряла» паспорт с ненавистным штампом о браке.

Правда, я не учла одного очень важного обстоятельства... Но тогда я и сама ещё не знала, что Крокодил оставил мне гораздо больше, чем прикольный кактус, с которым я не расставалась все эти годы...

– А вот и мы! – рассыпалась на осколки тишина. Легла мне под ноги голосом подружки Юльки и смехом-колокольчиком, что сразу же заполнял собою всё пространство. – Ты что тут сидишь в полутьме, подруга? Шьёшь и глаза портишь?

Она клацает выключателем. Свет бьёт по глазам. Я моргаю, чтобы привыкнуть, а рядом уже сопит мой маленький медвежонок. Моё самое яркое солнце. Моё рыжее чудо номер один.

– Мам, а мы в садике выйезали, йешили и йисовали, – докладывает он, и я целую моё сокровище в рыжую макушку. Рядом, под ногами, крутится Мистер Рыж. – Ой, пйивет!

Ему пока никак не даются ни «р», ни «л». А на хорошего логопеда я не заработала ещё.

– Привет, Костик, – треплю я его за мягкую конопатую щёчку. – Моем руки и ужинать?

– Да! – кричит моё сокровище и несётся в ванную. Я ловлю нетерпеливый взгляд Юльки и со вздохом откладываю шитьё. Ничего, тут немножко осталось.

Надо сосредоточиться. Меня ждёт допрос с пристрастием, но, кажется, после встречи с Крокодилом и воспоминаний, мне сейчас ничего не страшно.

Собственно, а что произошло? Ну, встретились, столкнулись. И чао, арриведерчи. Главное – всё моё при мне. И Котя, и кактус, и даже жёлтый чемоданчик. А Северин может катиться ко всем чертям в своём важном генерально-директорском кресле!

Глава

12

Трудная жизнь господина генерального директора Геннадий

Я прошёл мимо. Не знаю, что на меня нашло. Наверное, это от неожиданности. А может, потому что она предательница.

Лиля бросила меня пять лет назад. Впрочем, я никогда не

делал секрета, что брак наш – явление временное. А то, что случилось между нами, – так мы люди взрослые. Я вообще мысли не допускал, чтобы ходить налево, пусть и от фиктивной жены. Выглядело бы это не очень.

Хотел, чтобы мы расстались красиво и цивилизованно. Рисовал в уме, как благородно отнесусь к ней. Буду выглядеть почти рыцарем в сияющих латах. Особенно после Святославики.

Ладно. Зачем хоть самому себе врать. Всё это было задолго до того, как Лилька вросла в мою жизнь и пустила корни.

Я вообще не собирался жениться. У меня были далеко идущие планы, амбиции, цели, которые я мечтал достичь. Брак и всё, что с ним связано, в мой личный чек-лист не входили.

Но старая вымогательница считала иначе.

Я рос, не зная своего отца. В этом наши судьбы с Лилей были очень похожи. От родителя мне досталась внешность и фамилия. Сам он благополучно свалил и сгинул – погиб молодым. Это всё, что я о нём знал. И понятия не имел, что имеются и другие родственники по отцовской линии. До поры до времени.

Она появилась, как чёрт из табакерки, – моя несравненная бабка Северина, что покинула родину хрен знает сколько лет тому назад и осела где-то там в Америке.

Нет, она не приехала, а заявила на меня права прямо отсюда – из Калифорнии. Я её до сих пор живьём в глаза не ви-

дел. Мы вели бурную переписку, разговаривали по телефону и по скайпу несколько раз – и на этом всё.

Она посулила, поманила несметными богатствами, пообещала рай на земле, а взамен потребовала сущую безделицу – жениться на приличной девушке из хорошей семьи.

Судя по тому, что она обо мне знала, бабка с помощью невидимых друзей или нанятых детективов знатно перетрясла всё моё нижнее бельё. Ей не нравился мой образ жизни, она выказывала недовольство, что к двадцати восьми годам я не желаю остепениться.

Семья – было её единственное условие, открывающее мне доступ к деньгам, которые она с радостью согласилась влить в любые мои начинания, если они достаточно зрелые и взвешенные.

В последнем она могла не сомневаться: у меня был план, но не хватало под него главного – денежных вливаний.

Вначале я отмахнулся. Не настолько я уж и меркантильный и по трупам к своим целям идти не собирался. Думал, что выкручусь. Но с кредитом в банке не получилось, в карты нужную сумму я выиграть не смог, хоть и попытался. Да оно и к лучшему, что подобное решение вопроса отпало само по себе.

Отпало, потому что появился Святославик и подсунил мне Лилю. До того момента я не хотел идти на поводу у бабки-террористки.

Я залип на Лилю сразу. Как только фотки её в телефоне

увидел. Подумалось: вот он, бабкин идеал. Но, наверное, я бы и пальцем не пошевелил, если бы этот идиот не был «человеком чести».

И после этого вся жизнь моя поломалась. Только я тогда не понял, насколько. Я не собирался жить с ней семьёй. Не хотел пускать в своё личное пространство. Но оно как-то само собой получилось.

Мне достаточно было штампа в паспорте, бабушка настаивала на нормальной свадьбе и фотоотчёте, «чтобы она могла полюбоваться своими дорогими голубками» – цитата её коварного Величества.

Так появилось свадебное платье для Лили и всё, что к нему прилагается. Никакой романтики этот шаг в себе не нёс. Ну, разве что чуть-чуть. Самую капельку. Потому что я до сих пор сам себе не могу объяснить, зачем пошёл и выбирал. Мог дать денег, и Лилия сама бы прекрасно справилась. И всяких романтических бредней в голове было бы на порядок меньше.

Я наслаждался. Что уж. Мне нравилось делать ей приятное. Она так искренне всему радовалась. Ей так легко было угодить. Совершенно непритязательная, хоть и выросла при родительнице, которая, судя по всему, не скупилась для неё совершенно. И вот поди ж ты – выросло такое прекрасное дитя.

Меня постоянно подмывало к ней прикоснуться. Потрогать. Я сдерживался, как мог. К тому же, нашёл отличное

решение своей проблемы. Кудряшки. Источник прикосновенный и чистого удовольствия, когда Лилька злилась.

Чем дольше мы жили, тем больше я запутывался. Ещё до свадьбы я точно знал: она будет моей. Нелогично, неправильно, вопреки всем планам, что были связаны с этой чёртовой фиктивной женитьбой.

Если бы она оттолкнула, я бы не стал настаивать. Но я сделал всё, чтобы у неё такого желания не появилось.

Да к чёрту всё. Мой брак не был фиктивным ни дня. Начиная со свадьбы, заканчивая всем остальным. Просто на тот момент я ещё не свыкся с мыслью, что мы не просто живём вместе, а женаты, дьявол побери, слова какой-то там клятвы давали.

Да, я знаю, как часто нарушаются всякие разные слова, но то, что моя молодая и очень счастливая (я так надеюсь) женоушка сбежит без объяснений – такой подлянки я не ожидал.

Даже не понял сразу, что случилось. Думал, с подружками куда-нибудь отправилась, а меня предупредить забыла. Но телефон её молчал, никто её в институте не видел, и тогда я пережил страшные в своей жизни часы.

В полиции меня на смех подняли. Посоветовали температуру померить и подождать. Мне почему-то казалось, что её кто-то обидел, сотворил что-то страшное.

Я исколесил полгорода. Ввалился к Святославику с совершенно безумными глазами – тот от меня даже отшатнулся.

– Что тебе ещё нужно? – взбесился он. – Нет у меня боль-

ше ничего, нету, ясно? Квартиру я отдал, а остальное – про-
сти – просрал.

– Лиля пропала, – произнёс я вслух два тяжёлых слова и
привалился к стене в коридоре.

Святославик неожиданно подскочил и взял меня за груд-
ки.

– Обидел её, тварь?!

Он даже попытался мне в зубы дать, а я настолько оторо-
пел, что не отшатнулся, не увернулся, а стоял, ошарашенный
Славиковой прытью.

Удар у Святославика так себе – губу лишь разбил немного.
Но эта боль и кровь, этот жалкий наезд вдруг отчётливо дали
понять: обидел. Я вдруг вспомнил свои слова перед тем, как
провалиться в сон.

Слишком уж у нас... чересчур уж... хорошо всё было.
Просто идеально. Бабка там, наверное, омывала мониторы
слезами умиления – так хорошо мы получались на фотках.

Да, она требовала подтверждение того, что я свято выпол-
няю её предписания. Женился и живу в браке. Лилю мой
спонсор тоже одобрила. Так сказать, Лилия прошла через баб-
кин ОТК.

Если совсем кратко: я струсил. Испугался. Хотел, навер-
ное, оставить себе хоть немного пространства, чтобы Лилия
не оплела меня с головой своими корнями.

Она тогда промолчала. А утром вела себя, как всегда. А
потом исчезла. Бросила меня. Ударила под дых. Выбила поч-

ву из-под ног. Не оставила шанса исправиться.

И вместо того, чтобы радоваться, испытывать облегчение: ну и замечательно, всё рассосалось само по себе, – я погрузился в пустоту.

Лиля – девочка взрослая, – убеждал я себя, – разберётся, как ей жить. Это её жизнь, а я ничего постоянного и не предлагал, только временное.

Вроде правильные слова подбирал, но успокоиться не мог. Меня всё бесило. Особенно, когда я вернулся в квартиру и обнаружил, что пропали кое-какие её вещи.

Она ничего не взяла из того, что покупал ей я. И кольцо обручальное аккуратно на тумбочку положила в спальне. Ровно посередине. Видимо, чтобы не пропустил и понял. И меня всё это бесило. Выводило из себя. Хотелось кого-нибудь побить, что-нибудь расколотить.

И – да. Я всё прекрасно понял, но всё равно искал её. Съездил к Лилиному дому. Долго долбил звонок, пока соседка не вышла и не объявила, что сейчас здесь никто не живёт.

Чуть позже я узнал, что она документы из института забрала.

– Сказала, что уезжает с мужем в другой город, – охотно пояснила секретарь, бойко стреляя в меня глазками.

И тогда я понял: её здесь нет. Нет в этом городе. Уехала без объявления войны. Вскорости я тоже покинул город детства – отправился в столицу. Решил неожиданно: брошу всё

здесь, начну с нуля там. А заодно и из этой постылой квартиры свалю, где мне всё напоминало о Лиле. О моей жене.

И вот, спустя пять лет – бабах. Нос к носу. Похорошела. Округлилась, где нужно. Правда, худая, как кружево – светится вся. Не ест она, что ли. Лицо заострившееся, глаза – на пол-лица.

Когда я вернулся на место нашего столкновения, её, конечно, и след простыл. Ну, да. Не будет же она стоять и ждать, пока я принцем на белом коне прискачу. Зато Евангелина тут как тут.

– Вы что-то хотели, Геннадий Романович? – сама услужливость и нужный прогиб в спине.

– Напомните, кем у нас работает новая сотрудница?

– Лилия Белая, что ли? – холодеют её глаза, и сама она становится как замороженная рыба.

– Именно! – щёлкаю я пальцами. Я здесь царь, имею право знать!

– Уборщицей. С завтрашнего дня, – сверкают злорадством её глаза.

Моя жена – уборщица?... Однако.

Она всё ещё моя жена. И завтра я её снова увижу. И это почему-то поднимает мне настроение. Надеюсь, она не сбежит. Или сбежит?..

И я понимаю: мне нужно пройти квест «Дожить до завтра». Потому что у меня имеются вопросы к моей собственной всё ещё жене.

Глава 13

Весёлые будни поломойки

Лилия

– Да ты что! – округляет глаза Юлька. Произносит каждое слово отдельно и дышит жарко, словно жидкого огня глотнула.

В квартире тихо. Мистер Рыж, нажравшись, лижет «хозяйство» – не спеша намывается и одним ухом прислушивается к нашему громкому шёпоту. Котя спит, раскидав руки в разные стороны, кого-то очень остро мне напоминая. Я до этого как-то и не задумывалась, а сегодня увидела – и будто кто под дых меня саданул с ноги.

Котя вообще ни на кого не похож. Ни на меня, ни на Крокодила. Абсолютно самодостаточное рыжее чудо, единица собственной величины. Меня это радовало. Сложновато было бы, расти он маленькой копией Севера. Но судьба была ко мне милостива до сегодняшнего дня. Все мытарства, что пришлось пережить за эти пять с хвостиком лет, – тьфу и растереть.

Я ничего толком из своего прошлого Юльке не рассказывала. В общих чертах. Как-то моё неудавшееся замужество – не то, чем бы я хотела делиться. И дело тут не в доверии.

Всё, что было, я запечатала в отдельный конверт памяти и старалась туда не лезть, печати не вскрывать. Может, и

неправильно, но мне так легче жилось. Я не собиралась раз за разом доставать свои страдания и ковыряться в болячках. Ещё чего. Не для того я удрала, чтобы о чём-то жалеть или вздыхать.

Сегодняшнее столкновение в офисе дало понять: как ни прячься, а чуть подтолкни шкатулочку – и посыпалось из неё всё, что я так тщательно за семью печатями держала.

Юлька требовала от меня подробностей. Для нас эта фу-должность в глазах людей с достатком повыше была возможностью питаться, учиться, оплачивать Котин садик, покупать новые вещи – в общем, жить.

Юлька – студентка-переросток. Приехала в столицу, чтобы осуществить мечту – стать актрисой. Бросила хорошую работу, мужа, от неё отказалась семья. Сказали: ну, раз уж невтерпёж – сама, всё сама.

Актрисой Юлька так и не стала – открыла в себе другие таланты, и теперь учится на режиссёрских курсах. К тому же, она великолепно шьёт и отлично разбирается в цветах. На этой почве мы и сошлись: учились вместе на курсах фитодизайна, а позже – украшали залы для проведения свадеб, юбилеев и прочих торжеств.

Юлька – находка для шпиона. Мне с ней очень повезло: домовитая, умная, на все руки – мастер, фея-крёстная, волшебница незаменимая. Мы вместе жили, поднимали Котю, прятали кота и жили душа в душу.

И вот сейчас мы сидим в ночи, и я рассказываю, как столк-

нулась в коридоре со своим бывшим. Юлька думает – сожителем, а я умалчиваю, что мужем. Хотя, наверное, он уже десять раз развёлся, пока я покоряла столичные просторы.

– Вот что я тебе скажу, подруга, – Юлька прозорливо ловит мои колебания. – Если ты сейчас отступишься, так и будешь всю жизнь бегать, бояться каждой тени и вздыхать по ночам. Ситуацию нужно переломить!

Она звонко щёлкает пальцами. Мистер Рыж замирает с поднятой лапой. Морда у него сейчас глупая, и мне хочется ржать, как полковой лошади, но я сдерживаю низменные порывы. Котя спит, да и соседи у нас – атас. Могут и по батареям стучать, и хозяйке накапать полную ложку корвалола с ябедами.

– Ты ж от мужиков шарахаешься, как чёрт от ладана. А всё из-за этого фанфарона. Покажи ему, где раки зимуют и что не лыком шита!

Ну, да, собственно. Со шваброй наперевес против генерального директора. Нет, не так: Генерального Директора – с придыханием и закатыванием глаз, будто кто в задницу огурец вставил и вынуть забыл. Но я их не осуждаю: Крокодил – красавчик. Вполне нормальная реакция женского населения на элитного самца.

– Ничего я ему показывать не буду, – разглаживаю я ладонью подол униформы.

Она лежит красивая и готовенькая, подогнанная во всех местах. Где я не справилась, Юлька помогла. В прошлом –

она портной. Модельер-дизайнер, как я её называю, потому что это больше подходит и её творческой натуре, и тому, что она вытворяет с тканью или простой одеждой. Из-под её золотых рук, можно сказать, брендовые вещи выходят.

– И то правильно, – соглашается Юленция, – не надо показывать. Пусть сдохнет, воображая, какая ты классная на самом деле.

– Работать буду, – говорю твёрдо. – Подумаешь, встретился по пути. Там здание – потеряться можно. Так что вряд ли будем пересекаться.

– Ну, не знаю, – задумчиво постукивает пальцами по краю столешницы Юлька. – Всякое может быть. С расспросами ползет.

– Как ползет, так и отлезет. Будем решать проблемы по мере их появления. А теперь давай спать? Время позднее, завтра нам вставать рано. Костика в садик нужно вести.

Естественно, сна ни в одном глазу, но мне не хочется ни говорить о Крокодиле долго, ни делиться эмоциями. Ещё немного – и я начну делиться прошлым и ныть. Я и так... на последнем издыхании держусь.

На работу я мчалась как рысь: немного не рассчитала со временем. Пришла вовремя, но почти впритык. Ева Брауновна Штрилиц уже караулила меня на входе, демонстративно поглядывая на часы. Видать секунды отсчитывала.

– Опаздываешь, Белая.

Сухо и официально. Вчера она явно была подорожее. Возражать я ей не рискнула, но Главный Режиссёр по поломойкам и без того объяснила, в чём я была не права.

– Тебе нужно не просто вовремя явиться, а прийти на работу с запасом. Твоя задача – переодеться, привести в порядок причёску, подготовить инвентарь к работе и выйти на объект, чтобы осуществить качественную уборку. Всё понятно? На первый раз прощаю. Все последующие промахи скрупулёзно учтутся. У тебя испытательный срок, дорогая. Нарушение дисциплины – и на выход. Желающие на такую должность в такой известной компании найдутся.

Да, я и не сомневаюсь. Она бы меня живьём сожрала после вчерашнего, но пытается играть в благородство. Играет, как кошка мышью. Моя задача сейчас – не дать ей повода придраться.

Поэтому я молча переодеваюсь, беру, согласно инструктажу, орудия труда. Мимоходом смотрю на часы – ну, да. Пару минут я оторвала от сердца нашей многоуважаемой Гепарды. Но раз сегодня щедрая скидка, даже думать об этом не буду.

Я работала вдохновенно. Ушли те времена, когда у меня вместо рук – две ноги и те левые. За пять лет я растеряла рукожопость, беспомощность, умение теряться в трёх соснах любых бытовых проблем.

Как оказалось, я умела и любила работать. А Юлька научила меня получать удовольствие от любого процесса.

– Нет ничего сложного! Нужно лишь представлять, что ты

– генерал, и никто, кроме тебя, не поведёт войско вперёд, не выиграет войну. Азарт, вдохновение, желание сделать как можно лучше – вот что должно преобладать. Нет скуки, уныния, и всяких там «фу»! Есть жажда деятельности и душевный подъём.

Я училась быть позитивной, как она, в любых ситуациях. И у меня получалось. Работа горела в руках. И новая должность исключением не стала. Я азартно отвоёвывала вверенные мне территории – покрывала их славой отлично вымытых кусков панелей и полов. Мыла и тёрла, меняла воду и снова бросалась в бой. На душе было так хорошо, что хотелось петь.

До тех пор, пока у меня перед носом не появились замечательные мужские туфли. От неожиданности дрогнула рука. Не совсем чистая вода из ведра хлопнула на воистину туфельное совершенство, забрызгав заодно и светло-серые брюки. Ко всем моим прегрешениям я ещё и святотатство совершила: машинально салфеткой, из кармана выхваченной, по туфлям провела, стирая мутные капли.

Бархотка, туфли, натирать до блеска – мелькнули в голове ключевые слова из вчерашних моих фантазий в кабинете кадровички. Вот она, материализация мысленных потоков!

Вздвогнув, я всхлипнула. Крокодил, схватив меня за плечи, вздёргнул вверх.

– Лиль, ты чего? – спросил он, тревожно заглядывая мне в глаза. Своими синюющими озёрами всматривался в моё пун-

цовое лицо. И тут я не выдержала – расхохоталась. Ржала до икоты и слёз – остановиться не могла.

Туфли, бархотка, лысина, Крокодил – ну, смешно же, право слово! Как тут можно удержаться?

К сожалению, Северин не разделил со мной веселья. Не выкурил, так сказать, трубку мира.

– Следуй за мной, – произнёс он холодно, отпуская мои плечи.

Глава 14

Неудавшийся разговор

Геннадий

Она хохотала. Смешно ей.

На какую-то страшную секунду я подумал, что она боится меня. Запугана до икоты. Туфли мои пытается вытереть, как забитая жена плохого падишаха.

Она пыталась, а я оцепенел. Подумал: кто довёл её до жизни такой? Что она полы моет и обувь первому попавшемуся мужику трёт? Моя Лиля жрать толком приготовить не умела. Была беспомощно-прекрасной. Её хотелось лелеять и оберегать от всех невзгод.

Я готов был сражаться со всем миром за неё, а она... ржёт до слёз. И как-то больно мне стало, неудобно. Рыкнул на неё от души и даже не обернулся посмотреть: идёт она за мной или не идёт?

Можно и не оборачиваясь слышать: идёт, посмеиваясь. Не так громко, пытаюсь сдерживаться, но смех её душит. Что смешного во мне, я так и не пойму. Украдкой смотрю на туфли. Нет, вроде всё нормально. Ширинку забыл застегнуть? Так она вроде глаза не поднимала даже. Но на всякий случай проверяю.

Это как раз та самая идиотская ситуация, когда все смеются, а ты лихорадочно ищешь причину. А её может и не

быть. И твоя персона совершенно ни при чём.

В своём кабинете я Босс. За закрытыми дверями – Большой и Злой Босс.

– Что на тебя нашло? – спрашиваю, нависая над Лилькой всеми своими честными метр восемьдесят девять.

– Простите, Геннадий Романович, – смиренно опускает она глазки в пол и хлопает ресницами. Издевается. Понятно.

На миг я замираю. Она невыносимо тоненькая. Платье только подчёркивает её изгибы и талию, что я могу двумя ладонями обхватить. Ещё эти белые кружева на воротничке и рукавах. Как школьница. И перчатки по локоть. Она их так и не сняла.

Меня бросает в жар. Я медленно сажусь в кресло, чтобы скрыть свой позор. Моя Лилька. Жена, между прочим.

– Лиль, давай поговорим? – и голос у меня почти нормальный.

Она поднимает глаза.

– Вы простите. Мне работать надо. А то Гепардовна сейчас прискачет, орать будет. А у меня, между прочим, испытательный срок.

– Какой срок, Лиль? – бросаю с досадой, а сам глаз от неё отвести не могу. Руки так и тянутся растрепать волосы, добраться до кудряшек, которые она насильно в хвост стянула, а затем в косу заплела. Но нет же – вот завитушка вырвалась, вьётся колечком у шеи, будто приветствуя, дразня меня...

– Меня на работу приняли с условием. А мне очень нужна

работа. Я пойду, ладно?

Она разворачивается и идёт к двери. А я онемел. Смотрю ей вслед. Наблюдаю, как она выходит и дверь за собой аккуратно прикрывает. Что за хрень?.. Бросила меня, а теперь даже поговорить не желает? Объясниться у неё нет настроения?

Я начинаю закипать. Хочется кинуться за нею, схватить, потряхнуть, как следует. А лучше зажать. Поцеловать, что ли – не пойму, что внутри бурлит.

Я полночи вспоминал прошлое. А сегодня следил за ней. Момент ловил, так сказать, чтобы наедине её захватить врасплох. Ничего толком не получилось. Ерунда вышла, если уж совсем начистоту.

Я её не узнавал. Лёгкая, всем улыбается. Дарит улыбки налево, направо. И все на ней взгляд останавливают – я видел!

Что-то я делал не то. По идее, это я должен обижаться. А по всем приметам – она королева-недотрога. Не я пять лет назад сбежал – она. Ни слова ни полслова – хвост трубой задрала и свалила. А теперь делает вид, что я пустое место, не достоин её внимания.

Я завёлся так, что большого труда стоило себя остановить. Во мне говорила обида. Причём детская какая-то, нерациональная, недостойная взрослого мужчины. У меня есть всё. Я самодостаточен и женского внимания мне хватает с головой. Так стоит ли метать копьё ради той, что знать меня не

желает?

Это была попытка посмотреть на ситуацию с другой стороны. Мяч пролетел мимо ворот. Я не желал успокаиваться.

– Светлана Васильевна, зайдите ко мне, – пригласил я начальницу отдела кадров. – И документы захватите. Меня интересует новенькая. Лилия Белая.

Плевать, что она подумает. Я Босс и объяснять свои поступки никому не намерен.

Светлана Васильевна передо мной слишком благоговела. Очки, курносый носик. Очень милая. Но ходила всегда на полусогнутых, изначально рассыпаясь в подобострастии. Ловила каждый мой жест, любое слово. Боялась что-то сделать не так.

Среди коллег она вела себя несколько иначе. И командовала, и покрикивала. А тут превращалась в какую-то медузу. Нет, я не испытывал к ней отвращения, но старался держаться подальше. На расстоянии, чтобы не соприкоснуться. А то мало ли.

Впрочем, я подобным образом относился почти ко всему женскому составу моей компании. Никаких служебных романов. Да и романов вообще – тоже.

Штамп в паспорте оказался не такой уж плохой штукой. «Я женат», – заявлял всем, кто пытался претендовать на роль чего-то большего, чем любовница. Ну, и перед бабкой я тоже был глубоко и прочно женат. До сих пор шлю фотоотчёты – чудо фотошопа. Благо, фотографий у меня осталось тьма-

тъмушая. Можно годами кормить старого человека фантазиями на вольную тему. И ей спокойно, и мне хорошо. Хотя совесть немного и мучает. Но я пять лет успокаивал себя тем, что не я всё разрушил, Лиля сама предпочла убежать и скрыться. Неплохая отмазка. Ею я пытался заглушить чувство вины.

– Геннадий Романович, она что-то натворила? – пытливо смотрит на меня поверх очков Светлана Васильевна. – Вы только скажите. Она на испытательном сроке. Показалась такой милой...

Она что-то ещё там пыталась рассказывать, но я её не слушал. Смотрел на ксерокопию документов и медленно наливался яростью. Вот так, значит. Вычеркнула и забыла. Избавилась даже от напоминания о нашем, пусть и фиктивном, браке. Сменила паспорт. Стёрла неприятный инцидент из своей биографии.

Но хрен она угадала. Мы до сих пор женаты. Официально. Пять лет браку, между прочим. И никто ей развода не давал, так что сюрприз, сюрприз! И в следующий раз, когда она попадёт в мой кабинет, просто так отсюда не исчезнет. Не повернётся ко мне спиной и дверь за собой аккуратно не закроет. Я уж об этом побеспокоюсь.

– Светлана Васильевна, – прервал я зловеще словопонос своей кадровички и полюбовался, как она бледнеет и нервно сглатывает, – бросьте вы ерунду пороть. Какой испытательный срок, позвольте? Она что, специалист жизненно

необходимой нам профессии? Я весьма доволен её работой. Очень расторопная, исполнительная, вежливая. Пусть работает, старается. И Евангелине Гербертовне передайте мои слова, пожалуйста. А то доходят до меня слухи, что работников слишком притесняют.

– Она вам жаловалась? Эта Белая?

Я бы глаза закатил, если бы мог. Впрочем, могу, но непрофессионально как-то. Поэтому терпеливо объяснил ещё раз:

– Нет, не жаловалась. Наоборот, хвалила. Но я бы хотел, чтобы и к новым сотрудникам относились соответственно – с уважением. На этой, гкхм, должности, вы скольких сменили за последнее время?

Васильевна идёт пятнами и зевает ртом, как выброшенная на берег рыбина.

– Придаться можно к любому человеку. Было бы желание. А вы попробуйте наоборот: создать условия, помочь адаптироваться, влиться в коллектив. Мне кажется, девушка способна на большее.

Начальница по кадрам вообще в астрал вышла. Как я понимаю, она сейчас напряжённо думает, на что я намекаю. То ли должность Лильке другую поискать, то ли обласкать и оставить в покое.

– Идите, – царственно махнул я рукой.

Васильевна выскочила из кабинета пулей. Даже документы Лилькины забрать забыла. Ну, это и к лучшему. Я ещё на них помедитирую на досуге. Может быть. Но то, что она

так просто не выкрутится – это железно. Надо лишь скилл² правильно прокачать.

² **Скилл** – сленговое заимствование английского слова «skill», которое обычно переводится как **«навык, умение что-либо делать»**. В русском языке оно употребляется среди геймеров

Глава 15

И снова на те же грабли

Лилия

Я легко отделалась. Крокодил больше ко мне не приставал. Не пытался встретиться, не заводил душевные разговоры. Мне бы радоваться, а внутри ворочалось недовольство. Как могла, я его душила.

Всё же Юлька права: нужно закрывать долги прошлого, ставить уверенные точки, чтобы идти по жизни дальше. Иначе сосёт под ложечкой и постоянно хочется обернуться, пошарить взглядом по коридору. Не то, чтобы я чего-то ждала, нет, но что-то ещё не до конца умерло во мне от всей этой истории с Геной Романовичем Крокодилом.

Ева Гепардовна косилась на меня задумчиво, но ни о чём не спрашивала. Как-то в одночасье она оставила меня в покое, но взгляды кидать и молча наблюдать, как я работаю, никто ей не запрещал.

Ровно через неделю меня вызвала кадровичка и, старательно показывая в натянутой улыбке зубы, радостно заявила:

– Поздравляю! Мы решили сократить ваш испытательный срок, теперь вы работаете на постоянной основе! Евангелина Гербертовна очень вас хвалила, а мы умеем ценить старательных и дисциплинированных сотрудников!

Сомневаюсь, что Гепардовна пела мне дифирамбы. Чужало моё сердце: здесь порылся некий Крокодил, и меня так и подмывало пойти и сказать ему в лицо всё, что я о нём думаю. Что не нуждаюсь в подачках. Что я действительно молодец и хорошо работаю. Но вместо этого я скромно улыбнулась и изобразила бесконечную радость. Ещё бы: мои труды оценили. Статус повысили, так сказать.

– Ну, и почему ты бесишься? – философски заметила Юлька. – Всё ведь прекрасно? Работа есть – раз, деньги платят – два. Можно какое-то время не думать о завтра.

Мудрая моя Юлька. Права на триста процентов. Мне даже аванс выплатили, что совершенно не было лишним.

Я наконец-то восстановилась в институте, правда, на заочное отделение, но зато на третий курс. До этого я умудрилась окончить колледж по специальности цветовода – всё, что я могла себе позволить в моём тогдашнем беременном положении.

Очень помогли мне в то время кое-какие сбережения на карточках, что остались от прежней хорошей жизни, и то, что я удачно пристроила собственную квартиру в хорошие руки: сдавала жильё. Для этого мне пришлось вернуться в любимый город, но к тому времени воды утекло много, и я не боялась столкнуться с Крокодилом.

Я могла бы больше не бегать. Осесть на своих законных квадратных метрах, вернуться назад в институт, найти работу и жить. Но больше меня в городе детства ничего не дер-

жало, а мой растущий живот мог стать очередным фонтаном массовых сплетен.

К тому времени я уже ничего не боялась, но трепать нервы на всех, кто захотел бы меня пнуть, я не собиралась. Да и воспоминания о неудавшемся замужестве не способствовали желанию начать всё сначала в том месте, где я родилась и выросла.

Мне было страшно. Одиноко. Уверенности в завтрашнем дне – ноль. Но выживание оказалось тем самым квестом, что позволил мне держаться наплаву и постоянно находиться в тонусе.

Я училась, подрабатывала, рожала. Нянчила сына, снова училась, опять подрабатывала. К тому времени у меня появилась Юлька, и вдвоём мы с Котей справлялись куда лучше, чем я одна.

Это была её идея – не вписывать Костика в паспорт.

– Так можно быстрее найти работу, – учила меня многоопытная подруга. – С детьми, знаешь ли, не сильно нас припекают. Сама подумай: ребёнок маленький, болеет. Как думает работодатель? Это она не работать будет, а без конца на больничных сидеть. Они ж не в курсе, какой у тебя замечательный Котя – здоровенький пацан, тьфу-тьфу-тьфу, с отличным иммунитетом.

И эта «формула» действительно работала на «ура».

На новой работе в «СеверИнХоум» я пообвыкла, завела знакомых. Простые люди меня любили. Улыбка, добрые сло-

ва, позитив порой творят чудеса – этот урок я тоже выучила на «пять» с плюсом. Впрочем, мне нетрудно было: я и без всяких принуждений, насилий над собой и успокоительных мантр по характеру – весьма позитивная девушка.

О Крокодиле я даже забывать стала, но он неожиданно напал из-за угла. Хищник – что с него взять?

Геннадий

Она действовала на меня как удав – завораживала.

Да, я следил за ней. Исподтишка. Всё думал: что в ней такого, что все эти люди тянут свои лапы, мечтают её пощупать, похлопать по плечу, улыбнуться в ответ.

Лилька на мелочи не разменивалась: сияла щедро, как летнее солнце. Её тепла хватало на всех. Кроме меня, естественно.

На глаза я ей старался не попадаться. Выжидал и вынашивал планы... сам не знаю чего. Всё время тянуло на «а поговорить». Но все мои мысленные диалоги сводились к спорам и выяснениям отношений. Явно не то, что сейчас нужно.

Сил поговорить спокойно я в себе не чувствовал. Адов трэш. Я вообще не подозревал, что вид работающего человека может так... возбуждать. Будоражить. Приводить меня в неистовство.

Я думал о ней постоянно. И днём, и во время деловых переговоров, и ночью, когда пялился в потолок. А когда засыпал, она приходила в мои сны. Вскоре мне стало казаться,

что я и на работу хожу исключительно за тем, чтобы хоть одним глазом её увидеть.

Нереальная чушь. А ещё она вызывала непонятные доселе чувства. Я смотрел на Лильку и хотел о ней заботиться. Оградить её от всех. Накормить, в конце концов. То ли жалость, то ли жмотское собственническое чувство меня терзало – я так и не разобрался. Ни усиленные тренировки в спортзале, ни холодный душ не могли мне помочь. Я словно заболел.

Я строил стратегии и менял тактику. Мысленно, конечно же. Ломал голову и ничего толком придумать не мог. Отупел, наверное.

И тут вмешался Тот Самый Случай. Зацепка, что наконец-то помогла прочистить мозги и успокоиться.

Недели через две после того, как Лилька прочно обосновалась уборщицей в моём офисе, позвонила бабка.

– Я умираю, – заявила она мне без всяких предисловий. Бабах – и просто раздавила мозг слишком тяжёлым известием.

Не то, чтобы я её любил – я её и знал-то лишь по фотографиям да недолгим разговорам. Но она всё же родной человек. Я даже привык к ней за пять лет общения. У меня кроме неё и мамы нет больше никого.

– Джина, – произнёс её имя и завис. Что говорят в таких случаях? Какие правильные слова найти?

Бабку на самом деле звали Евгения, но она большую часть

жизни прожила в Америке, поэтому требовала обращаться к ней именно так. Воспитанный немного в других традициях, я доблестно избегал подобного панибратства, не называя её вообще никак. Но сейчас особый случай. На сердце как-то тяжело стало.

– Я возвращаюсь на родину, – ударила она под дых. – Хочу умереть дома. А заодно погреться в тёплых лучах твоей семьи. Надеюсь, вы с Лилей не откажетесь подарить немного любви старому умирающему человеку.

Сердце ухнуло куда-то в желудок, а потом в пятки. Семья. Лилия. Капец, одним словом. Я лихорадочно искал выход, как крыса, что попала в капкан и у которой лишь два пути: либо лапу себе отгрызть и спастись, либо сдаться и сдохнуть. Я не хотел ни того, ни другого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.